

ЭНДРЮ ПИТЕРСОН

САГА О СЕМЬЕ ИГИБИ

НА БЕРЕГУ ТЁМНОГО МОРЯ

Сага о семье Игиби

Эндрю Питерсон

На берегу Тёмного моря

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Питерсон Э.

На берегу Тёмного моря / Э. Питерсон — «Эксмо»,
2008 — (Сага о семье Игиби)

ISBN 978-5-04-180230-1

На берегу Тёмного моря находится маленький городок, в котором живёт Джаннер Игиби. Парень мечтает о дальних странах и приключениях. Но вряд ли эти мечты сбудутся... Ведь его город давно захватили Клыки, которые мучают всех жителей. Выбраться из-под их гнёта – задача непосильная, особенно когда тебе всего двенадцать. Но однажды Джаннеру, его брату Тинку и сестре Лили придётся выступить против Клыков. Ведь те считают, что их семья скрывает какую-то тайну...

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-180230-1

© Питерсон Э., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Об Ануоте – кратко	6
О континенте Скри – ещё короче	7
Об Игиби – в двух словах	8
1. Едет Чёрная Карета	9
2. Навоз, молоток и картопель	11
3. Швапы в мешке	14
4. Незнакомец по имени Эсбен	17
5. Продавец книг, Пит Носок и городок Глибвуд	19
6. Бард на выгоне Данна	24
7. Босиком и в лохмотьях	27
8. Два брошенных камня	29
9. Глипперова тропа	31
10. Лили и драконья песнь	33
11. Ворона и Карета	36
12. Уже не игра	39
13. Песня Сияющего Острова	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эндрю Питерсон

На берегу Тёмного моря

Andrew Peterson, Joe Sutphin (ill.)

On the Edge of the Dark Sea of Darkness

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 202

* * *

Посвящается брату

Об Ануоте – кратко

Вот что гласят старинные сказания. Когда в первый день от сотворения мира (того самого, где происходит эта история) проснулся первый человек на свете, он зевнул, потянулся и произнёс, глядя на то, что первым попало ему на глаза:

– А, ну вот.

Этого человека звали Дуэйн, и первым он увидел камень. Рядом, впрочем, сидела женщина по имени Глэдис, с которой Дуэйн постепенно нашёл общий язык. В последующие века этой первофразе учили детей, и внуков, и племянников – и так до тех пор, пока все живые существа, обладающие речью, не начали называть мир вокруг «Ануот».

Ануот состоит из двух континентов, разделённых водным массивом, который носит название «Тёмное море тьмы». К Четвёртой эпохе негостеприимные земли, лежащие к востоку от моря, получили название «Дань», однако к нашей истории они имеют мало отношения (за исключением того, что там зародилось Великое Зло, втянувшее почти весь Ануот в Великую войну).

Это было безымянное зло. Его так и звали – Наг Безымянный. Он правил, сидя в замке Трог, на самой высокой вершине Убийственных гор, и многое ненавидел в Ануоте, но сильнее всего – Верховного короля Ветрокрыла с острова Анниера. По какой-то неведомой причине Наг и его мерзкие орды двинулись на запад и захватили Сияющий Остров Анниеру, и там, вместе со своими благородными подданными, пал добрый король, и настал конец его дому.

Не удовлетворившись, безымянный Злодей (по имени Наг) выстроил флот и переправил свою ужасную армию на другой берег Тёмного моря тьмы, в Скри. Он покориł и разграбил эти земли за девять лет до начала нашей истории.

О континенте Скри – ещё короче

Весь континент Скри – это зелёные луга и равнины. Не считая, конечно, Каменных гор на севере. Они белы от снега, хотя когда снег тает, что-то зелёное там в конце концов появляется.

На юге сплошь лежат равнины Пален-Джобдж – несомненно зелёные. Не считая, конечно, Глибвудского леса. За равнинами тянутся Линнардские леса, доходя до самого края карты – если только её не составлял человек, обитавший в тех отдалённых краях.

Обитатели равнин, лесных опушек, гор и берегов великой реки Блап жили в мире и благоденствии. Не считая, конечно, вышеупомянутой Великой войны, которую они проиграли и которая в корне изменила всю их жизнь.

После поражения короли Скри и их приближённые – точнее сказать, все, кто претендовал на престол, – были казнены, а простые жители Скри научились выживать под игом Клыков Даня. Клыки расхаживали на двух ногах, как люди, и во многом походили на людей, не считая зелёной чешуи, покрывающей туловище, змеиной морды и двух длинных ядовитых клыков, торчащих из ненасытной пасти. Ещё у них были хвосты.

Когда Наг Безымянный покорил Скри, Клыки заняли все города и деревни и принялись собирать налоги и притеснять свободных скриан. Нет, жителей Скри никто не трогал – если к полуночи они успевали вернуться домой. И если не держали дома оружия и не жаловались, когда соседа вдруг увозили за море, откуда он больше не возвращался. Но кроме жестоких Клыков и постоянной угрозы смерти и пыток, в Скри, в общем, нечего было бояться. Ну, разве что Каменных гор, где бродили длиннозубые косматые бёмнубли с ненасытной утробой, да ещё Ледяных прерий (тем немногим смельчакам, которые жили на этих холодных пустошах, ежедневно приходилось сражаться с остроястребами). Равнины Пален-Джобдж на юге были и красивы, и безмятежны, не считая крысуков, шныряющих в высокой траве. Один фермер из Южного Торборо утверждал, будто видел крысука размером с мипа-однолетка, который, в свою очередь, ростом почти со взрослого хоркнея (а тот, как известно, немногим меньше кроблика).

До того как, ревя, низвергнуться с Фингапского водопада, река Блап течёт тихо и привольно. Она прозрачна как горный ручей; рыба, которая в ней водится, вкусна и безопасна. Не считая, конечно, тех многочисленных созданий, которые ядовиты на ощупь, а также рыбы-кинжала, которая, как известно, запрыгивает в лодки и насквозь пронзает даже самых дюжих рыбаков.

Об Игиби – в двух словах

На окраине городка Глибвуд, который расположился на утёсах, вздымающихся над Тёмным морем, стоял маленький домик, в котором жило семейство Игиби. Домик был самый простой, хотя необыкновенно уютный, очень красивый и опрятный (даже несмотря на то, что у Игиби было трое детей). А когда по вечерам в окнах горел свет, казалось, что домик светится любовью.

Что можно сказать о семье Игиби?

Не считая того, что они вечно засиживались до ночи за всякими интересными разговорами и пели, работая в поле, и того, что их дедушка Подо Рулевой любил сидеть на крылечке, пыхтя трубкой, и разных приятных мелочей вроде кружки с сидром зимним вечером, они жили не так уж счастливо. И даже очень несчастливо – потому что в Скри кишели Клыки Даня.

1. Едет Чёрная Карета

Джаннер Игиби лежал в постели, дрожа и зажмурившись. Он прислушивался к жуткому стуку Чёрной Кареты, которая катилась по дороге в лунном свете. Его младший брат Тинк похрапывал на верхнем ярусе кровати; сестрёнка Лили, судя по дыханию, тоже спала. Джаннер осторожно приоткрыл глаза и увидел белую как череп луну, которая ухмылялась ему в окно. Он изо всех сил старался не думать о плохом, но в голове у него звучал стишок, которым с давних пор в Скри пугали детей. Мальчик лежал в тусклом лунном свете, и губы у него шевелились сами собой.

Вдоль по берегу реки
Едет Чёрная Карета,
Скачет лошадь, мглой одета,
На козлах злой возница.
Крепче спи, моё дитя,
Пусть она проедет мимо –
А не то, неутомима,
За тобой примчится.

Ты покинешь милый дом
В чёрном чреве ледяном.
В тюрьме сырой, в краю чужом,
Поставлен на колени,
Вдали от родины не раз
Оплачешь горько страшный час,
Когда явились тени.

Вдоль по берегу реки
Едет Чёрная Карета,
Скачет лошадь, мглой одета,
Беда вот-вот случится.

Неудивительно, что Джаннер не смог заснуть, услышав слабый стук копыт и позвякивание цепей. Он живо представил себе ворон, которые то кружили над Каретой, то присаживались на крышу. Ему казалось, что он слышит хриплое карканье и хлопанье чёрных крыльев. Мальчик сказал себе, что у него просто разыгралось воображение. Но он знал, что каждую ночь Чёрная Карета останавливалась у домишки какого-нибудь бедолаги и навсегда увозила его детей.

Всего лишь неделю назад его мать оплакивала исчезнувшую девочку из Торборо. Сара Коблер была ровесницей Джаннера; они как-то раз виделись, когда Коблеры проезжали через Глибвуд. Но теперь Сару увезли навеки. В ту ночь она лежала в постели – точно так же, как Джаннер теперь. Наверное, она поцеловала родителей на ночь и помолилась перед сном. А потом за ней приехала Чёрная Карета.

Она бодрствовала в ту минуту?

Слышала ли она фыркание чёрных коней за окном, видела ли пар, вырывающийся из их ноздрей?

Её связали?

Она сопротивлялась, когда её заталкивали в Карету словно в пасть чудовища?

Но что бы ни делала Сара, ничего не помогло. Бедняжку разлучили с семьёй, и точка. Родители устроили по Саре поминки. Уехать в Чёрной Карете – всё равно что умереть.

Это могло случиться с кем угодно, в любой момент, и ничего нельзя было поделать – только надеяться, что Карета не остановится на твоей улице.

Стук копыт, потрескивание и позвякивание эхом отдавались в ночи. Чёрная Карета приближалась.

Неужели она повернёт на тропинку, ведущую к дому Игиби?!

Джаннер стал молиться.

Малыш, пёсик Лили, лежащий в изножье кровати, поднял голову и завыл, глядя на окно. Джаннер увидел сидящую на сухой ветке ворону. Он затрясся и натянул одеяло до подбородка. Ворона повернула голову и заглянула в окно. Она словно рассматривала мальчика с округлившимися от ужаса глазами, в которых отражался лунный свет. Джаннер замер, пытаясь как можно глубже уйти в недра постели, чтобы ворона его не заметила.

Птица сорвалась с ветки и улетела. Луну закрыло облако. Стук копыт и скрип Кареты стали стихать и постепенно смолкли совсем.

Джаннер лежал затаив дыхание. Он медленно выдохнул и услышал, как Малыш постукивает хвостом по стенке. При мысли о том, что пёсик тоже не спит, мальчику стало не так одиноко. Вскоре он заснул, и ему снились тревожные сны.

2. Навоз, молоток и картофель

Поутру все страхи развеялись.

Солнце светило ярко, утренняя прохлада постепенно сменялась дневным зноем, а Джаннер представлял, что он умеет летать. Он смотрел, как над пастбищем порхают стрекозы, и воображал себя стрекозой, пытаясь понять, что она видит и чувствует. Вот лёгкий порыв ветра отбрасывает стрекозу через весь луг, швыряет её направо и налево, то поднимает выше верхушек деревьев, то заставляет круто спускаться к самому морю... Джаннер думал: будь он стрекозой, он бы смеялся от радости (если стрекозы, конечно, умеют смеяться) – ведь тот, кто летает, не боится споткнуться. Джаннеру казалось, что в последние несколько месяцев он совсем разучился владеть руками и ногами. Кисти стали длиннее, ступни больше, и мать недавно пожаловалась, что он очень неуклюж.

Джаннер полез в карман и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, достал сложенный листок. В животе у него что-то вздрогнуло – совсем как в ту минуту, когда он нашёл эту бумажку неделю назад, подметая мамину комнату. Джаннер развернул листок и посмотрел на нарисованного мальчика, стоящего на носу небольшой парусной лодки. Мальчик был худощав и темноволос, он очень походил на Джаннера. В небе висели пышные белые облака, а волны осыпали лодку брызгами, которые были нарисованы так натурально, что, казалось, стоило их коснуться – и рисунок расплывётся от влаги. Внизу стояла подпись: «Мне двенадцать лет. Я провёл два часа в одиночку в открытом море. Лучший день в моей жизни».

Кто этот мальчик, написано не было, но Джаннер знал, что на рисунке изображён его отец.

Никто не говорил ему об отце – ни мать, ни бабушка. Джаннер мало что о нём знал. Но найти этот рисунок было всё равно что распахнуть окно в тёмной комнате. Джаннер окончательно убедился, что в мире есть нечто большее, чем перспектива до самой смерти жить в городке Глибвуд. Он раньше никогда не видел вблизи лодку. Он наблюдал за ними с утёсов – за точками, которые, оставляя за собой пенный след, похожий на белую ленту, устремлялись навстречу приключениям. Джаннер представлял себя на собственном корабле, он чувствовал на лице ветер и солёные брызги – точь-в-точь как мальчик на рисунке...

Джаннер вздрогнул и обнаружил, что стоит опершись на вилы по колени в колючем сене. Вместо морского бриза ему в лицо ударило облако мякины и пыли, в нетерпении поднятое конём по кличке Данни, запряжённым в повозку с сеном, которое нужно было отвезти в амбар. Джаннер трудился с самого рассвета и уже съездил туда-обратно три раза, желая поскорее закончить со своими обязанностями.

Городок праздновал День Дракона. Для Джаннера это был единственный повод порадоваться, что он живёт в захолустном Глибвуде.

Горожане целый год ждали Дня Дракона. Как будто все жители Скри съезжались в Глибвуд на праздник. Джаннер с восторгом думал про состязания и лакомства, странных людей из далёких краёв и драконов, поднимающихся из Тёмного моря тьмы...

Джаннер, насколько он помнил, ни разу за двенадцать лет не выезжал за пределы Глибвуда. День Дракона был для него редкой возможностью повидать свет – и отличным поводом быстро перевезти сено. Мальчик вытер пот со лба и с тоской посмотрел на стрекозу, которая зигзагами уносилась прочь. Он налёг на вилы и, охнув от натуги, забросил кипу сена в повозку. В то же мгновение Джаннер наступил на камень, засыпанный разбросанным на земле сеном, споткнулся и упал прямо в свежий конский навоз.

Мальчик вскочил, отплёвываясь и вытирая лицо. Данни, взглянув на него, фыркнул и принялся жевать траву – а Джаннер побежал умываться.

По ту сторону поля брат Джаннера Тинк (его настоящее имя было Кальмар) сидел верхом на коньке крыши, держа в зубах два гвоздя, а в руке молоток. Тинк пытался прибить отставшую доску, но так дрожал, что ему никак это не удавалось. В раннем детстве он пугался, даже когда дедушка сажал его на плечи; Тинк натужно хохотал, но глаза у него выпучивались от страха, пока он вновь не оказывался на земле.

Дедушка Подо всегда поручал латать крышу Тинку, поскольку считал, что мальчику нужно побороть страх. Но одиннадцатилетний Тинк никак не мог совладать с собой. Дрожа как лист, он вынул из зубов гвоздь и робко стукнул молотком, а потом посмотрел через поле и увидел, как Джаннер, споткнувшись, рухнул с головой в водопойную колоду. Тинку очень хотелось поскорей закончить и поиграть со старшим братом в зибзи¹ в честь Дня Дракона.

На крыше от Тинка не было никакого проку, зато по земле он бегал не хуже оленя.

От первого же удара деревянным молотком гвоздь выскользнул из пальцев. Тинк тщетно попытался подхватить его, покачнулся и в страхе лёг на живот, уцепившись за горячую от солнца крышу. Гвоздь и молоток поехали в разные стороны и упали на землю. Тинк застонал: теперь предстояло аккуратно добраться до лестницы и спуститься. А значит, праздничные развлечения откладывались на неопределённый срок.

– Ты ничего не потерял?

– Бросай сюда, – буркнул Тинк.

Послышался смех. Молоток, вращаясь, взлетел в воздух и упал на крышу рядом с ним. Мальчик набрался храбрости и дрожащей рукой схватил инструмент, прежде чем тот успел съехать обратно.

– Спасибо, Лили, – сказал он, стараясь говорить спокойно.

Лили снова села на крылечко у задней двери и принялась чистить картопель, что-то напевая под нос. Малыш лежал у её ног, в теньке, виляя хвостом и тяжело дыша.

Затем Лили поднялась, опираясь на маленький деревянный костыль, и смахнула с подола очистки. Подхватив ведро, она заковыляла к дому. Малыш бежал за ней.

Правая нога ниже колена у девочки была изогнута внутрь под странным углом – так, что ступня боком волоклась по полу. Но Лили давным-давно научилась ходить с опорой, и каждый год дедушка делал ей костыль побольше, попрочнее и покрасивее. Нынешний костыль Лили был вырезан из тиса и украшен по всей длине фиолетовыми цветочками.

Лили поставила ведёрко с чищеным картофелем на стол, рядом с мамой, которая возилась над огромным котлом похлёбки.

– Спасибо, детка, – сказала Ния, вытерла руки о передник и заправила выбившиеся пряди волос за ухо.

Она была высока и изящна, и Лили подумала: мама так красива, что простое платье кажется на ней королевским нарядом. Руки у Нии загрубели от многолетнего тяжёлого труда, но тем не менее они ловко заплетали Лили косы и нежно гладили сыновей по щеке, когда она целовала мальчиков на ночь.

– Позови-ка дедушку, – попросила Ния. – Он уже целый час торчит в саду, а это может значить лишь одно...

Лили рассмеялась:

– Швапы вернулись?

– Боюсь, что так.

---

¹ Зибзи приобрела широкую популярность в Скри в 356 году Третьей эпохи. Это уличная игра, для которой нужны длинные заострённые колья (команда противника подбрасывает их высоко в воздух), бита (плоская доска с рукояткой) и три камня. Разумеется, игроки часто получали увечья, и в конце концов из-за общественного недовольства зибзи запретили. В 372 году оказалось, что в неё вполне можно играть, если заменить острые колья швабрами. Полную версию правил, а также увлекательную и кровавую историю зибзи см. в книге Винтча Тризбека «Буду резать, буду бить, всё равно тебе водить» (издательство «Три вилки», Вальберг, 423/3).

Едва Ния повернулась к котлу, над головой что-то снова загремело. Она провела взглядом по потолку, следуя за звуком. За окном мелькнул молоток, а с крыши донёлся сдавленный стон.

– Сейчас подберу! – крикнула Лили, захромала к двери и бросила молоток Тинку.

Джаннер между тем вприпрыжку подбежал к дому, мокрый до пояса. Пахло от него ужасно, и следом летел целый рой зелёных мух.

Отправившись в сад, на поиски дедушки, Лили услышала, как мама, возмущённо ахнув, погнала Джаннера из кухни. И тут же его стукнул по голове упавший в очередной раз деревянный молоток.

3. Швапы в мешке

Одноногий дедушка Лили стоял на коленях и рычал. Со стеблей вокруг свисал мясистый красный картофель, из земли длинными рядами торчали круглые головки латука. Поветрушка, морковь и коринка – любимая ягода Лили – были ещё мокрыми от росы.

Дедушка Подо, как и Лили, неплохо управлялся с одной ногой – с той разницей, что вместо костыля у него была деревяшка ниже колена. Он никогда не рассказывал, как потерял ногу, но все и так прекрасно знали, что в бурной молодости дедушка был пиратом. Каждый вечер он развлекал внуков рассказами о своих морских приключениях.

Например, как однажды все восемнадцать человек команды захворали, поев несвежего свинокрыла, которого они отобрали у рыбаков вблизи Фубских островов. Подо был единственным, кто не притронулся к рыбе, и ему пришлось в одиночку вести корабль сквозь бурю, в то время как остальные маялись в трюме.

– И это было ещё не самое скверное, зуб даю! – утверждал Подо. – Куда хуже пришлось, когда меня чуть не накрыл военный флот. Пушки палили, а стрелы пронзали мою шевелюру! Видите, волосы до сих пор растут неровно. И по сей день, как только почую запах свинокрыла – так сразу хочется поднять паруса и бежать куда глаза глядят...

Дети визжали от смеха, а разволновавшийся Подо вытирал платком пот со лба.

Он и теперь делал то же самое, глядя сквозь побеги поветрушки.

– Деда? – позвала Лили.

Взмахнув сучковатой дубинкой, Подо резко развернулся. Длинноволосый, седой и рас-
трёпанный, он походил на сумасшедшего колдуна.

– А? Осторожней, внучка, я чуть не стукнул тебя по голове колотушкой! – Тут его белые кустистые брови взмыли вверх, и он поднёс к губам скрюченный палец. – Швапы! – прошептал дедушка.

Из-за куста картофеля выскочила маленькая волосатая фигурка и взвизгнула.

Подо захромал за ней.

Малыш, который до этого весело потягивал, утратил всякое самообладание и с лаем бросился в погоню.

Обычный швап размером чуть больше сконка²; он представляет собой меховой шарик с тонкими лапками, ростом примерно до середины икры (если мерить по уцелевшей ноге Подо). Удар дубинки попал в цель – мелкий вредитель так и отлетел, но тут из травы выскочил другой и длинными жёлтыми зубами яростно впился в дедушкину деревяшку. Первый швап врезался в дерево, рухнул наземь, тут же вскочил и запустил в старика камешком. Камешек попал Подо в лоб, и несколько мгновений тот стоял, ошалело мотая головой и пытаясь сбросить швапа, который увяз зубами в его деревянной ноге.

Швапы с писком бросились обратно в траву. Секунда-другая – и они появились вновь. Один держал в мохнатых лапках картофелину, а второй охапку моркови. Зверьки увернулись от дубинки и устремились в сад.

Подо зарычал и взмахнул дубинкой над головой:

– Бросай якорь, мерзкие грызуны!

Порыв ветра всколыхнул садовую листву и растрепал седые волосы Подо. Старый пират, яростно раздув ноздри, полной грудью вдохнул морской воздух. Швап, выглянув из-за куста коринки, снова запустил в него камнем. Подо взмахнул дубинкой – и камень полетел обратно. Швапы бросились в укрытие.

– Ага!

---

² См. Бип Шваймбли, «Пожирание сконка» (издательство и дата публикации неизвестна).

Некоторое время зверьки пищали и переговаривались.

Подо наморщил лоб. Опустив дубинку, он поднёс ладонь к уху, как будто мог понять швапов.

Вдруг в воздухе мелькнула большая красная картофелина и угодила ему прямо в лицо.

– Не троньте мой картофель! – крикнул Подо, сморгнул мякоть и отбил вторую картофелину дубинкой. – Не троньте мой картофель! – Старик бросился в заросли, яростно завывая.

Лили улыбнулась и захромала обратно к дому, откуда нёсся аромат завтрака.

Ния молча прошагала мимо неё в сад, сорвала два листочка перечной розы и вернулась на кухню, не обращая никакого внимания на лай Малыша, яростные вопли Подо и мелькающих в воздухе швапов.

Весь мокрый, вернулся Джаннер, которому наконец удалось отмыть от навоза лицо и волосы.

– Ну, так-то лучше, – сказала Ния, сдерживая улыбку. – Я уж думала, что твоё лицо скоро порастёт свежей травкой.

Покраснев, Джаннер сел на место.

Лили и Тинк старались не хихикать.

Придвинув стул, Ния села и, поставив локти на стол и опершись о них подбородком, стала наблюдать, как дети едят. Джаннер в глубокой задумчивости смотрел в окно. Тинк согнулся над своей тарелкой как коршун; он глотал горячие оладьи и сосиски, словно боялся, что они убегут. Лили жевала и теребила подол платья, что-то напевая и покачивая головой.

– Ешьте как следует, ребятки, впереди долгий день, – с улыбкой сказала Ния.

Дети широко распахнули глаза.

– Морские драконы! – хором воскликнули они.

Ния рассмеялась и встала:

– Сегодня летняя луна
Распалась пополам,
И золотая песнь слышна
Во мгле вечерней нам³.

Да-да, как это бывает вот уже тысячу лет. Доедайте, и пойдём в город. Дела подождут.

Задняя дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Подо, потный и запыхавшийся.

– Швапы! – взревел он, потрясая мешком, в котором кто-то извивался и визжал. Подо стукнул по мешку дубинкой, и визг немедленно оборвался.

Малыш тявкал и подпрыгивал, прикусывая мешок.

– Двух мелких поганцев я упустил, но эти трое... – дедушка посильнее встряхнул мешок, – больше не станут жрать наши овощи, верьте слову! Паршивые воришки... – Вдруг заметив, что на него смотрят внуки и дочь, Подо кашлянул и произнёс уже спокойнее: – Ну, кончено дело. Я швырну их с утёса прямо в Тёмное море, вот только сперва съем оладью-другую, больно они у тебя вкусные, дочка.

Ния удивлённо открыла рот:

– Как можно бросать их в море?!

Подо почесал в затылке:

– Запросто. Возьму мешок – и... до свиданья. Прямо с утёса. Вот и всё.

Лили выпрямилась, с вилкой в руке и выражением ужаса на лице:

– Деда, я не позволю взять и убить их! – Она отодвинулась от стола.

---

³ Из «Легенды о Затонувшей горе», народный скривянский стишок. Поздняя версия была опубликована в сборнике Изака Фенчера «Всеобщая история грустных песен» (см. с. 341 в Приложении).

Мальчики закатили глаза.

Девочка подковыляла к рослому Подо и устремила на него взгляд, полный жалости.

Старик обожал внучку, и Лили это хорошо знала.

– Они такие *милые*, дедуля. И никому не желают зла.

Подо фыркнул и показал ей расцарапанные руки. Но Лили не обратила на это никакого внимания:

– Они просто берут немножко овощей каждый год, чтобы прокормить маленьких швапят. Я не верю, что ты такой жестокий! Пожалуйста, дедушка, не убивай этих зверюшек! – уцепившись за рубашку Подо, она заставила старика наклониться и поцеловала его в седую щёку. – Пойдём, Малыш! – позвала девочка и вышла.

Мешок запищал, и Подо снова хлопнул по нему дубинкой, но уже с меньшим пылом. Бросив свою добычу на пол возле стола, он сел и сунул в рот оладью.

– Ну, Джаннер, внучок, – сказал Подо, отрываясь от еды, – сам знаешь: на празднике все, бывало, разойдутся, а Клыкам прямо невтерпёж, когда мы, скриане, веселимся.

– Да, сэр, – ответил Джаннер, глядя в тарелку. Обеими руками он уцепился за стул, зная, что будет дальше.

– Ты старший, и на тебе большая ответственность. Я вот что хочу сказать...

– ...что я должен присматривать за Тинком и Лили и проследить, чтобы они вернулись домой целыми и невредимыми. Я каждый день это слышу, спасибо, я не дурак, – перебил Джаннер, сам себе удивившись.

Увидев удивлённое лицо матери, мальчик покраснел. Он знал, что зашёл слишком далеко, но поворачивать вспять было поздно. Многолетняя досада решила излиться именно теперь.

– Ты хочешь сказать, что я должен быть нянькой. Что я никогда не буду развлекаться, как *мне* хочется.

Тинк фыркнул и попытался скрыть смех, засунув в рот огромный кусок. Джаннер пнул брата под столом, но от этого Тинк фыркнул ещё громче.

– Я не хочу до самой смерти опекать младших и бегать за Тинком и Лили как наседка! Я не желаю даром тратить свою жизнь!

– Сынок... – начал Подо.

– Ты мне не отец! Будь он жив, он бы меня понял!

Джаннер тут же возненавидел себя за то, что сказал. Он тяжело дышал и смотрел на очаг, боясь взглянуть на деда. В груди у него сделалось горячо, глаза защипало от слёз. Мальчик сунул руку в карман и крепко сжал спрятанный рисунок. Как никогда раньше, Джаннеру захотелось оказаться на корабле, в открытом море, подальше от Глибвуда и своих собственных чувств.

Медленно дожевав, Подо проглотил оладью, в тяжёлом молчании глядя на внука.

– Тинк, доедай и ступай одеваться, – велел он, не сводя глаз с Джаннера.

Ния стояла у плиты и смотрела в пол, уперев руки в бока.

Старик вытер рот салфеткой и решительно положил свои загрубевшие ладони на стол.

Джаннер понял, что влип.

4. Незнакомец по имени Эсбен

Когда за спиной у Тинка закрылась дверь, Ния придвинула стул и села между отцом и сыном.

– Мальчуган, ты знаешь, что я люблю тебя? – спросил Подо.

Джаннер кивнул и добавил:

– Да, сэр.

– Я знаю, что я тебе не отец. Он был хорошим человеком. Очень смелым. Он отважно сражался и пал смертью храбрых на Великой войне. И мой долг – по мере сил вырастить его детей такими, какими он хотел бы их видеть.

Джаннер украдкой взглянул на мать. Борясь со слезами, та встала и принялась убирать тарелки со стола.

– Ты здорово вырос, парень, и у тебя ломается голос. Наверное, ты думаешь, что уже почти взрослый, а? – Подо взглянул на внука, взметнув густую бровь и прищурившись. – Ну, отвечай.

– Мне ведь уже двенадцать. Конечно, я ещё не взрослый, но... – Джаннер замолчал.

– Иногда тебе кажется, что брат с сестрой висят на тебе мёртвым грузом, правда? А наш маленький городок слишком тесен для твоих фантазий...

Джаннер принялся разглядывать собственные руки. А потом, сделав глубокий вдох, он достал из кармана рисунок. Ния замерла, когда Джаннер развернул листок и разложил его на столе. Больше он не мог сдерживать слёзы; они закапали с кончика носа на рисунок, смешиваясь с морскими брызгами.

Ния прижала Джаннера к груди и долго гладила сына по голове:

– А я-то думала, куда девался рисунок...

– Это он? Это папа?

Ния медленно кивнула:

– Да.

– Он сам нарисовал?

– Да, – и Ния фартуком стёрла с рисунка слёзы. – Тогда были другие времена. Другая жизнь... – Она долго молчала, прежде чем продолжить: – До того как пришли Клыки. Больше всего твой отец хотел, чтобы однажды ты вышел в море. Этот день настанет. Но будь он жив, он сказал бы тебе то же, что и дедушка. Есть время плыть – и есть время стоять на якоре.

– Я, паренёк, знаю больше, чем ты думаешь, – негромко произнёс Подо. – Послушай меня. Я был там, когда погиб твой отец. Я этого не видел... но всё-таки я был там.

Джаннер вскинул голову:

– Ты был там?

– Да.

– Папа, не надо... – начала Ния.

– Пора ему знать, из каких он, дочка, – Подо указал на рисунок, потом на Джаннера. – Посмотри. Он же вылитый отец...

– При чём тут это? – голос Нии задрожал. – Не стоит тревожить память Эсбена, ничего хорошего всё равно не выйдет. Ничего.

Джаннеру не хотелось, чтобы мать огорчалась, но теперь он страстно желал знать правду.

– Моего отца звали Эсбен? – Он так надеялся, что Подо продолжит!

Дед и мать грустно смотрели на него.

Ния поцеловала сына в макушку.

– Ни слова больше. Пожалуйста, – попросила она Подо и вышла.

Джаннер молчал.

Подо тоже.

Даже швапы в мешке молчали.

Наконец Подо откашлялся и произнёс:

– Верь мне. Ты как две капли воды похож на отца. Он был прекрасным человеком. Он сражался и пал за нас. Ты, Тинк и Лили – наше достояние, и мы не хотим вас потерять... – Старик наклонился к Джаннеру и понизил голос. – Ради того, чтобы вы дышали, пролилась кровь, и если из-за этого тебе придётся пропустить игру в зибзи – значит, так тому и быть. Быть мужчиной – значит, в том числе, ставить собственные желания на второе место.

Джаннер подумал про Тинка и Лили. Его по-прежнему угнетала мысль о том, что за ними вечно придётся присматривать, но всё-таки он любил своих младших. Он хотел быть добрым и храбрым, как отец... хотя его имя Джаннер узнал лишь пять минут назад.

– Хорошо. Я постараюсь, – сказал он, не в силах взглянуть на Подо.

Джаннер сложил рисунок и вопросительно посмотрел на деда. Подо одобрительно кивнул, и Джаннер осторожно убрал листок в карман.

– Ну, парень, раз ты уже взрослый, может, вы троём пойдёте на праздник, не дожидаясь нас с матерью? Нам ещё надо закончить кое-какие дела. Короче, ты главный.

– Но мама сказала, что Лили не может...

Подо рассмеялся:

– Это уж я улажу. Просто не теряй сестрёнку из виду. А мы с матерью пойдём вслед за вами. Ну как, справишься?

– Да, сэр, – ответил Джаннер и вдруг засомневался.

Подо хлопнул ладонями по столу:

– Вот и ладно. Но прежде чем пойти в город, выполни просьбу старого дедушки, – он протянул Джаннеру мешок со швапами. – Сбрось этих негодников с утёса.

У Джаннера глаза полезли на лоб.

– Что?!

– Да шучу я, – с досадой сказал Подо. – Лили меня в жизни не простит.

Старик полез в карман и, протянув Джаннеру три серенькие монетки, взял ещё одну оладью, откусил и громко рыгнул:

– Купите себе чего пожевать.

5. Продавец книг, Пит Носок и городок Глибвуд

Дети бегом пересекли лужайку возле дома, хоть мальчикам и приходилось равняться по Лили с костылём. Джаннер подавил желание предложить сестрёнке свою помощь: он уже давно понял, что та вполне способна передвигаться сама, а если ей вдруг что-то понадобится, Лили попросит. А ещё Джаннер знал, что хоть девочка и бурно отстаивает свою независимость, но в то же время от всей души желает, чтобы братья её подождали.

Лили, даже хромая, двигалась удивительно быстро, и её братья перешли на рысь. Малыш, вилия хвостом, бежал рядом с Лили по тенистой тропе, которая вела к городку. Если бы у детей были хвосты, они бы последовали его примеру. До них уже доносился непривычный смех, а над верхушками деревьев порхали обрывки музыки.

Джаннеру вдруг стало приятно, что ему доверили заботиться о младших. И он сам рассмеялся, подумав, как быстро у него изменилось настроение: несколько минут назад казалось, что ответственность – тяжкое бремя, а теперь он гордился своими обязанностями. Конечно, идти на праздник без старших совсем не то же самое, что плыть в одиночку в открытом море – но уж что поделаешь.

Джаннер задумался, что скажет его друг, старый Оскар Ритип из книжного магазина, когда увидит их одних. Может, поручит ему какую-нибудь работу или разрешит взять домой побольше книг? А может быть, он наконец позволит Джаннеру читать книги, которые даёт взрослым – толстые, в старинных переплётках, лежащие на верхних полках.

Мальчик улыбнулся. «Честно говоря, ответственность – это не так уж плохо».

– Ну, что у вас там было? – спросил Тинк, когда они шагали по тропе.

– Ничего.

– В смысле «ничего»? – Тинк, казалось, был разочарован. – Тебе разве не всыпали?

– Нет.

– Значит, когда человеку исполняется двенадцать лет, он может нахамить и не получить за это?

– Всё не так просто... – сказал Джаннер и вновь подумал об отце. Когда-нибудь, наверное, он покажет рисунок Тинку и Лили...

– Поскорей бы мне стукнуло двенадцать, – с хитрой улыбкой сказал братишка, когда они повернули на Главную улицу.

Джаннер тоже улыбнулся, но в глубине души ему было тревожно. «Эсбен. Эсбен Игиби», – подумал он. Теперь он знал имя отца и думал о нём как о живом человеке, а не как о тени, которая порой являлась ему во сне. Как правило, Джаннер редко вспоминал о нём, но когда другие дети говорили о своих отцах или спрашивали у Джаннера, почему он живёт со старым дедушкой, он чувствовал себя какой-то диковинкой. Лили и Тинк тоже. Все остальные глибвудцы выросли здесь, ну или поблизости. Но когда Джаннер спрашивал у деда или матери, откуда они родом, те молчали. Он знал только, что прапрапрадедушка Подо (*прапрапрапрапрадедушка* Джаннера) выстроил этот дом двести лет назад, когда Глибвуд представлял собой не более чем кучку хижин⁴.

Теперь городок состоял из одной улицы, вдоль которой стояли немногочисленные дома. Слева от дороги находилась таверна Шагги с тёмно-зелёной вывеской, изображающей собаку с трубкой в пасти. Рядом стояло самое большое здание в городке – единственная в Глибвуде гостиница. Так на ней и было написано: «Единственная в Глибвуде гостиница». Шустеры, пожилая добродушная чета, содержали её в чистоте и порядке, а запахи, доносящиеся из кухни,

---

⁴ Со временем Глибвуд заметно разросся и превратился в кучку хижин побольше, отчасти благодаря туризму, связанному с Днём Дракона. См. Уилибур Смолз, «Дело было в Скри» (Торборо, издательство «Река Блап», 402/3).

заставляли весь городок глотать слюнки. Напротив расположилась парикмахерская господина Птица, а сам господин Птиц обычно спал в одном из кресел. Возле парикмахерской притулилась городская тюрьма – обычно на её крыльце стояли Клыки и оскорбляли прохожих.

Раскидистые дубовые ветви нависали над улицей, давая желанное укрытие от летнего зноя. Дети с липкими от сладостей лицами сидели на деревьях, жуя конфеты. Везде, куда бы ни взглянул, Джаннер видел людей всех цветов и обличий. Женщины были в длинных просторных ярких платьях, а их спутники, пыхтящие трубками, щеголяли в дурацких круглых шляпах. Время от времени со скрипом проезжал экипаж, и его пассажиры самодовольно глазели из окон на толпу.

Джаннер, Тинк и Лили (а также Малыш) брели по городку – мимо гостиницы (которая в это время года кишела постояльцами, поскольку, напомним, была единственной в Глибвуде), мимо цветочной лавки Феринии, мимо ветхого строения, приютившего магазин под названием «Книги и укромные уголки». В окне висела вывеска:

Оскар Н. Ритип
Хозяин, книготорговец, интеллектуал, ценитель всего красивого,
странного и/или вкусного

Оскар Н. Ритип, толстячок с короткой седой бородкой и заметной плешью, сидя в кресле-качалке и покуривая трубку, помахал детям с крыльца. В тщетной попытке скрыть лысину он зачёсывал жидкие волосы поперёк веснушчатой коричневой макушки. Ветерок шевелил длинную прядь, и она как будто тоже приветственно махала детям.

– Привет, Джаннер! – крикнул Оскар, улыбаясь.

– Здравствуйте, господин Ритип, – отозвался Джаннер сквозь шум толпы.

Из окна за спиной у Оскара на детей смотрел низкорослый остроухий человечек. Зúзаб Койт был горностраником⁵, которого Оскар приютил шесть лет назад, после того как вскрыл ящик, в котором рассчитывал найти присланные из Торборо книги. Однако внутри оказался истощённый и напуганный Зузаб.

Горностраники были маленьким народцем, и в Скри с ними никто раньше не имел дела, однако Оскар, самопровозглашённый ценитель всего изящного, странного и/или вкусного, решил, что Зузаб ему, несомненно, подойдёт. Судите сами: его рассказы о родных краях и тяжёлой жизни в Убийственных горах были, конечно, красивы. Выглядел Зузаб странно. Он носил кожаные бриджи и рубаху из разноцветных лоскутов, которая развевалась на ветру, как сотня крошечных вымпелов. А главное – Зузабом владело непреодолимое желание вскарабкаться на любой предмет выше собственного роста. Иными словами, он всё время куда-нибудь влезал.

Ну а что касается вкусного... тут Оскар предпочёл не выяснять.

Джаннер подумал, что рядом они смотрятся довольно нелепо – похожий на тыкву Оскар и маленький Зузаб, худой как тростинка.

Лили помахала Зузабу. Блестящие глаза горностраника округлились, и он быстро отошёл от окна.

– А где Подо? – спросил Оскар, протирая очки жилеткой.

– Дома остался, – небрежным тоном ответил Джаннер. – Сказал, что нам сегодня можно пойти одним.

---

⁵ Горностраники – нелюдимые существа, обитающие главным образом в горах Дания. Их основная слабость – фрукты во всех видах, независимо от того, растут ли они на дереве или нарезаны для пирога. В связи с этим горностраники – главные враги обитателей Зелёных ложин, которые занимаются выращиванием фруктов. Каждый год орды горностраников спускаются с северных склонов Убийственных гор и воруют в ложинах фрукты. Народная поговорка гласит: «Пуганый фрукт горностраника боится». Поскольку Великая война не имела никакого отношения к фруктам, горностраники, разумеется, сохраняли нейтралитет. Падован А'Малли, «Бич Ложин» (издательство «Бар Рона», Зелёные ложины, 111/3).

– А-а, – Оскар взглянул на мальчика через сидящие на кончике носа очки, и Джаннер просиял. – Приходи послезавтра пораньше, ладно? Я нашёл целый клад, когда в последний раз ездил в Дагтаун. Нужно будет всё расставить на места.

– Да, сэр, обязательно приду, – кивнул Джаннер, живо представив новые книги, которые он прочтёт.

Оскар бросил на Тинка оценивающий взгляд:

– И приводи с собой этого худышку. Лишние руки нам пригодятся, а твоему брату, похоже, работа пойдёт на пользу.

У Тинка глаза полезли на лоб.

– Правда можно, господин Ритип?

– Можно, парень, – и Оскар улыбнулся Лили. – А ты что думаешь обо всей этой суете, девчурка? Глибвуд сегодня совсем преобразился, а?

Лили посмотрела вокруг, словно впитывая образы, звуки и запахи, которые казались чужеродными в сонном маленьком городишке, и улыбнулась:

– Мне нравится. Но завтра я буду рада, что всё стало как обычно.

Джаннер вздохнул:

– А я хочу, чтобы Глибвуд всегда оставался таким. Чтобы «Единственная гостиница» была полна торговцев с новостями из Торборо и форта Ламендрон и путешественников, которые побывали в неведомых землях за пределами карты. Может быть, в мире есть ещё целые страны, которые не видел ни один скрианин! Страны, которые вообще никто не видел! Мы никогда не ездили даже в форт Ламендрон – а Подо говорит, он всего в дне пути от Глибвуда. Богачи из Дагтауна и Торборо – вот кто повидает мир, и им не придётся целый день таскать сено...

Оскар вскинул брови, и Джаннер, заметив насмешливое выражение лица старшего друга, замолчал. Книготорговец вытер лоб, прижал к лысине трепещущую на ветру прядь волос и спросил:

– Значит, Глибвуд слишком мал для Джаннера? А ты что скажешь, юный Тинк?

Тот принюхался:

– Я хочу пирога с коринкой.

– Джаннер, – сказал Оскар, – мало *повидать* мир. Если тебе нет покоя здесь, в Глибвуде, ты не обретёшь его нигде. – Он указал на катившийся мимо экипаж. – Эти люди, возможно, кажутся богатыми – но только кажутся. Посмотри повнимательнее – и ты поймёшь, что наряды так называемых богачей потрёпанны и залатаны. Женщины перестали носить серьги и ожерелья. Мужчины не украшают пальцы перстнями.

Джаннер убедился, что Оскар прав. Почему он раньше этого не замечал? Мальчик с досадой кивнул и ковырнул ногой землю. «Видимо, судьба мне сегодня слушать от старших нотации».

– Нет ничего плохого в том, что у тебя пустой карман, дружок. Но если пусто на душе – вот это скверно. Посмотри вокруг. Людям грустно, и никакое количество денег не подарит им радости. Они уже почти и не помнят, что такое смеяться от души.

– Но выглядят они вполне счастливыми, господин Ритип. Мы слышали по пути смех и музыку, – сказала Лили.

– Люди приезжают в Глибвуд посмотреть на драконов, потому что это редкий глоток свободы. Конечно, нас никто не выгоняет из дома и вокруг по-прежнему наша земля, хоть она и разорена. Но это не настоящая свобода, друзья мои. Многие ещё помнят, каково было гулять по городу вечером и без страха ехать верхом через лес. – Голос Оскара зазвучал гневно, и Джаннеру показалось, что старик обращается уже не к нему, а к самому себе. – Но теперь кажется, что Клыки были здесь всегда, что Наг Безымянный вечно правил нами, брал с нас налоги и увозил наших детей.

Джаннер взглянул на сдержанные улыбки вокруг. Он видел, как люди обходили стороной ухмыляющихся Клыков на ступеньках тюрьмы. Веселье скрывало под собой печаль – и Джаннер наконец стал достаточно взрослым, чтобы её ощутить.

Оскар словно очнулся. Он улыбнулся детям:

– Но всё-таки денёк сегодня славный, правда, ребята? Есть время размышлять и время отдыхать. Ну, бегите. Как выразился мудрый Там из Гусиного лога: «Скоро начнётся потеха, пора молодёжи спешить», – он подмигнул, продолжая пыхтеть трубкой, и пригладил прядь на лысине.

Дети, сразу посерьёзнев, зашагали по людной улице. Джаннер, погружённый в раздумья, внимательно посмотрел на командора Гнорма, самого толстого и противного из глибвудских Клыков. Гнорм сидел, задрав ноги на старую колоду, и обгладывал куриную ножку, громко чмокая длинным лиловым языком. Кость он швырнул в бредущего мимо старика, и рядовые Клыки расхохотались, когда бедолага принялся кланяться, стирая брызги жира с лица.

Джаннеру не верилось, что когда-то в Скри слыхом не слыхивали о Клыках.

За тюрьмой, перед маленьким домишкой, в котором находилась печатня, кружком стояли люди и чему-то смеялись. Над головами зевак в воздухе мотались залатанные сапоги.

Джаннер и Тинк с улыбкой переглянулись.

– Пит Носок! – воскликнул Тинк и сорвался с места бегом. – Пошли, Лили! Давай посмотрим, что он там затеял!

Они пробрались сквозь толпу и увидели странного человека, который, расхаживая на руках в центре круга, нараспев повторял «Крылья, лапы и хвосты», дёргая в такт ногами. Щёки у него запали, под глазами залегли тёмные круги, а морщины придавали ему такой вид, будто он долго плакал и только-только успокоился. Одет он был в грязные лохмотья – а на руки до самых локтей натянул старые вязаные носки.

Приезжие бросали чудаку монетки, но с точки зрения обитателей Глибвуда, это было нормальное поведение Пита Носка. К примеру, в начале лета Пит врезался в дорожный столб на углу Главной улицы и Дрожливого переулка. Надо сказать, столб был совершенно безобиден, да и стоял на виду. Обругав его последними словами, Пит вызвал столб на поединок, хотя тот мужественно воздерживался от ответных мер. Пит хорошенько размахнулся, промазал, повернулся вокруг своей оси, как цирковая плясунья из Дагтауна, и рухнул в грязь, где и прохрапел до ночи.

Когда Пит, перевернувшись, встал на ноги, шикарным жестом пригладил волосы и вприпрыжку удалился, зажмурив один глаз и заткнув себе рот рукой в носке, Джаннер заплодировал вместе с остальными. Монетки остались валяться в пыли. Джаннер с улыбкой посмотрел вслед Питу, растрёпанная голова которого мелькала в толпе, пока не скрылась за углом.

– Исчез как и не бывало, – сказал он.

– Думаешь, он правда живёт на опушке старого леса? – спросил Тинк.

Джаннер пожал плечами:

– Надо быть полным психом, чтобы там жить.

До войны лесничие и охотники истребляли смертельно опасных зверей, которые водились в чаще. Но Клыки у всех отобрали оружие. Мечи и щиты, луки и стрелы, кинжалы и копья, даже земледельческие орудия, которыми можно было воспользоваться в драке, держали под замком и стерегли⁶.

---

⁶ Когда Подо понадобилось для прополки сада, ему пришлось заполнить специальную бумагу – «Разрешение на прополку сада», а затем и «Разрешение на пользование мотыгой». Если инструмент не возвращали к заходу солнца, следовало суровое наказание – слишком суровое, чтобы упоминать его в этой истории (см. с. 343 в Приложении).

– Ну, Пит именно такой псих, чтобы жить на опушке леса, – заявил Тинк, помолчал и добавил: – Благусовы ребята сказали, что видели его на краю леса – он ехал на клыкастой корове как на лошади, нахлёстывал её веткой и распевал балладу.

Джаннер фыркнул:

– Не верю. Кто встретит клыкастую корову – тот покойник. И потом, Благусовы ребята слишком трусливы, чтобы подойти к лесу. Они тебя просто дурят. – Вдруг он резко остановился и схватил брата за руку. Джаннер нигде не видел Лили. Он закрутил головой, оглядывая запруженную народом улицу. – Где Лили? – крикнул он. – Лили!

Тинк хлопал его по плечу. Джаннер развернулся и обнаружил сестру, сидящую на земле прямо у него под ногами. Лили чесала брюшко Малышу и невинно смотрела на Джаннера. Тот вздохнул и ощутил дрожь облегчения. Он уже успел представить, что Лили потерялась или ушиблась. Его бы замучила совесть, если бы с девочкой и вправду что-нибудь случилось.

«Да ничего с ней не случится, – с досадой подумал Джаннер. – В городе праздник, а я только и делаю, что волнуюсь. Но ведь всё в полном порядке! Куда бы она делась за пять секунд?»

6. Бард на выгоне Данна

– Пошли, – буркнул Джаннер одновременно с облегчением и с досадой. В самом деле, чего он испугался?

Тинк протянул руку, чтобы помочь Лили встать, но та поднялась сама, опираясь на костыль.

Внезапно раздался звук рога, и толпа радостно завопила. Начинались состязания. Весь день они должны были проходить на выгоне Данна – просторной лужайке на восточной окраине города. Люди могли до самого вечера наслаждаться бегом в мешках, игрой в «закинь мяч»⁷, зибзи и «качай цыплёнка». Зрители лежали на покрывалах в мягкой траве, наблюдали за состязаниями и грызли лакомства, купленные в городе.

Именно этим Джаннер и собирался заняться.

Он потянул Лили за свободную руку и велел Тинку не отставать:

– Вы что, заснули?

Тинка гораздо больше интересовали восхитительные ароматы, которые доносились из кухонь и импровизированных ларьков, где продавали масляные пирожки и обжаренные на огне плавники свищуна.

– погоди, я хочу плюшку с вареньем, – сказал Тинк и полез в карман свободной рукой.

Старший брат начал терять терпение.

– Потом куплю, если хочешь. Пошли, – сердито велел он.

Тинк подчинился, бросив долгий, исполненный сожаления взгляд на бодрого толстяка, который щедро намазывал лежащие на подносе плюшки ярко-красным вареньем.

Добравшись наконец до выгона, дети уселись на траву и почти весь день наблюдали за состязаниями. По мере того как солнце склонялось к закату и тени удлинялись, люди становились всё разговорчивей. На закате обычно появлялись морские драконы, и тогда зрители облепляли утёсы, чтобы посмотреть, как они танцуют в лунном свете. Воздух буквально звенел от радостного предвкушения.

Тинк, к своему восторгу, заметил в двух шагах торговца, продающего черничные облипучки. Он уже потратил несколько монет, которые дала ему Ния, и Джаннер скрепя сердце поделился с братом мелочью, чтобы успокоить его ненасытный желудок. Тинк понятия не имел, что весь перепачкался тёмно-синим соком. Лили довольствовалась тем, что просто наблюдала за играми, почёсывая Малышу брюшко и бросая ему палочку. Окружающие не возражали, пока палочка случайно не залетела на игровое поле. Когда Малыш погнался за ней, один из игроков в «закинь мяч» (который неуклюже катился по полю, стараясь не коснуться ступнями земли) налетел на него и пропустил пас от другого игрока. Все гневно взглянули на Лили, у которой тут же вспыхнули щёки. Но как только люди заметили костыль, то немедленно смягчились, и игра пошла своим чередом. К счастью, Лили была слишком занята, ругая Малыша, чтобы заметить чужую жалость, иначе она бы расстроилась ещё сильнее.

Незнакомые лица вокруг радовали Джаннера не меньше чем игры. Он гадал, откуда приехали все эти люди, хотя некоторых выдавала одежда. Жители Торборо, например, одевались одинаково. Мужчины ходили в маленьких чёрных шляпах, длиннополых сюртуках, невзирая на жару, и штанах, натянутых почти до шеи. Пряжки поясов располагались лишь немногим ниже подбородка. Торборские модницы щеголяли в платьях с оборками и с узором в виде носов животных и в чёрных остроносых туфлях, таких огромных, словно ступни у них были

---

⁷ Увлекательная игра, в которой обе команды пытаются забросить мяч в ворота, ни в коем случае не пользуясь ногами, даже для того чтобы перемещаться. См. Б'фанерус Хверк, «На старт, внимание, ложись! Жизнь в игре» (Издательство «Ваннц-Делю», Скри, 400/3).

полметра длиной. От этого на ходу женщины кренились вперёд. С точки зрения Джаннера, они походили на цирковых клоунов (о них он только читал), которые изо всех сил старались не казаться смешными. Кроме того, большинство жителей Торборо носили белые перчатки, поэтому, когда игрок забрасывал мяч, их аплодисменты напоминали скорее топот, чем хлопки. Ещё они кричали «Уй-ю-юй, беги домой к мамочке!», «Мазила!», «Фу-ты ну-ты!» и «Ай да молодчага!».

Длинноволосые обитатели Дагтауна наряжались не так причудливо, но их манеры сразу обращали на себя внимание. И мужчины и женщины громко разговаривали и оглушительно хохотали. Джаннер понимал, что некоторые словечки, которые они произносили, глубоко шокировали стоящих рядом жителей Торборо, однако дагтаунцев это не волновало. Они рычали, жадно пожирая еду, и так весело галдели, что трудно было относиться к ним с подлинной неприязнью.

Все незнакомцы в тот день служили Джаннеру напоминанием, что сам он никогда в жизни не покидал Глибвуд. Они воспламеняли его воображение и внушали мальчику страстное желание повидать мир. Но потом он слышал хихиканье Лили и рыгание Тинка и вновь вспоминал, что вынужден присматривать за братом и сестрой и томиться в ужасающе мирном маленьком городке – неизменно тихом, за исключением того дня, когда появлялись морские драконы.

Решив насладиться праздником, Джаннер отогнал все неприятные мысли.

От размышлений его вдруг отвлекла какая-то суета на другой стороне поля. Зрители, сидящие у противоположных ворот, поворачивались, словно пропуская кого-то. В толпе послышался взволнованный шёпот, но Джаннер не мог разобрать, о чём шла речь. Стали раздаваться громкие возгласы, и даже игроки, потные и облепленные травой и грязью (хотя ноги у них по большей части оставались чистыми), прервались и обернулись.

Джаннер и Тинк встали, пытаясь понять, в чём дело, но пока ничего не было видно, кроме взволнованных зрителей, которые отходили с дороги, когда кто-то проталкивался вперёд. Стражники Клыки недовольно рычали и шипели, видя такую суету. Им нужно было следить за порядком, а на выгоне происходило нечто необычное. Хоть они и ненавидели скриан, но совершенно не желали делать лишнюю работу в такой жаркий день.

Наконец до ушей Джаннера донеслись разговоры. Полная женщина справа от него ахнула и, едва дыша от восторга, сообщила своему не менее дюжему супругу, что бард Армулин внезапно приехал в Глибвуд, и почтенный мэр Благус попросил его спеть⁸.

Тинк и Джаннер недоверчиво переглянулись. Бард Армулин здесь, в Глибвуде?! Человек, якобы посетивший Сияющий Остров Анниеру⁹? Тот самый Армулин, который бродил по завоеванным землям и пел о легендах Ануота¹⁰, о великих подвигах и небывалой любви? Теперь он явился в Глибвуд, в роскошном одеянии и на великолепном коне?

⁸ Обязанности Благуса как мэра заключались в том, чтобы выпускать городскую газету, в которой теперь печатались бланки разрешений на пользование сельскохозяйственными орудиями. Поскольку Благус был помешан на бумажной работе и правилах распорядка, его это вполне устраивало. Также он распределял среди глибвудцев обязанности, кто готовит Клыкам еду, кто убирается в казарме. Ещё он официально извещал командора Гнорма, если кто-нибудь из жителей Глибвуда хотел съездить в Торборо. Шесть лет назад младшую дочь Благуса увезла Чёрная Карета, и Гнорм держал его на службе, грозя в противном случае забрать и двух оставшихся сыновей. Стоит заметить, жители Глибвуда не питали к мэру неприязни.

⁹ Многие скриане сомневались, что легендарный остров Анниера вообще существовал. Такова печальная правда: некоторые верят лишь в то, что видят собственными глазами. Банди Импстед, например, весь вечер сидя в таверне Шагги, утверждал, что не существует никакого ветра – он же его не видит. Той же зимой у него ураганом сорвало крышу. Банди, впрочем, остался непоколебим.

¹⁰ «Легенды Ануота» – собрание историй, повествующих о Создателе и Начале Всех Вещей. В Ануоте, например, хорошо известна «Встреча Дуэйна и Глэдис, перволюдей». В число этих произведений также входят трагедия «Виль и утраченный рецепт», «Глубины Олоре» (так назывался исцеляющий камень, который Создатель скрыл в недрах земли) и ранняя версия «Падения Юргена». Эти легенды некогда содержались в старинных книгах, которые якобы написал сам Создатель и передал на хранение Дуэйну, но теперь они – наряду с Олоре, знаменитым рецептом куриного бульона и горами Юргена – утрачены.

Все забыли об игре в мяч. Игроки этому очень обрадовались и встали, охая и потирая синяки. Двое крепких парней выкатили на середину поля пустую телегу. Мэр Благус взобрался на импровизированную сцену, и она закричала под его весом (в тот день он съел слишком много жаренных в масле пирожков). На нём были тёмные лосины и ярко-красная блуза, в шляпе торчало пышное ярко-жёлтое перо. Мэр важно покрутил усы, вскинул руки, призывая к тишине, и обратился к Клыкам.

– С позволения наших многомудрых, необычайно красивых, могучих и проворных воинов, – сказал он и низко поклонился, коснувшись животом коленей, – нам бы хотелось послушать песню-другую. Мы смиренно просим ваши милости разрешить нам это ничтожное удовольствие, за которое мы отплатим вечной благодарностью и верной службой.

– За себя говори, – буркнул Тинк, покосившись на Клыков, которым, судя по ухмылкам, нравились униженные мольбы мэра. Один из ящеров кивнул и издал шипящий рык, который, казалось, повис в воздухе словно ядовитый дым.

– Мы благодарим вас, добрые господа, – произнёс мэр Благус и кашлянул, после чего сразу же заговорил властно и напыщенно, совсем как до Великой войны: – Мои дорогие друзья и соседи, нам оказана великая и редкая честь. Бард Армулин, сказитель с вымышленного острова Анниера, изволил прибыть в Глибвуд в этот прекрасный летний день. Он любезно согласился спеть для вас. Давайте поприветствуем прославленного сына Скри в нашем городе! Дамы и господа, бард Армулин здесь!

Какой-то оборванный человек со старой свистоарфой¹¹ под мышкой зашагал к телеге. Он улыбался, как проказливый мальчишка, задумавший каверзу. Армулин подмигнул толпе и крикнул:

– Приветствую вас, дорогие скриане! Ну и уроды эти Клыки!

Аплодисменты мгновенно стихли, и четверо Клыков, стоящих с краю, издали леденящий душу рык. Шипя, они устремились к барду.

---

¹¹ Происхождение свистоарф неизвестно. Все народы Ануота утверждают, что это они изобрели этот инструмент, и у всех есть надёжные доказательства. Свистоарфы упоминаются в сочинениях Гзыкнаха, датируемых концом Первой эпохи.

7. Босиком и в лохмотьях

Джаннер покрылся холодным потом как в лихорадке. До него не сразу дошёл смысл услышанного. Неужели Армулин только что прилюдно оскорбил Клыкков?!

А ещё мальчик не только испугался, но и удивился. Как, этот оборванец на самом деле знаменитый сказитель?! «Наверное, Благус ошибся. Бард Армулин должен быть хотя бы обут», – подумал Джаннер. Судя по грязным заглубевшим ногам, этот человек ходил по горам и долам пешком. Если бы не старая свистоарфа и не глаза, напоминающие бездонные озёра, Джаннер решил бы, что перед ним самозванец.

Клыки растолкали горожан и устремились к телеге, на бегу вытаскивая мечи. Джаннер застыл, напрасно стараясь отвести взгляд от обречённого Армулина. Люди вокруг пришли в себя от изумления как раз вовремя, чтобы завопить.

Но бард просто стоял на телеге и улыбался. Когда Клыки приблизились, он провёл рукой по струнам свистоарфы и запел. Клыки, запнувшись, внезапно остановились и скрючились, тщетно пытаясь зажать уши и одновременно взмахнуть мечом.

– Тиш-ше! – прошипел один из них.

Армулин замолчал и вскинул бровь, словно удивляясь, что его перебили:

– В чём дело?

– Берегись, бард, – угрожающе произнёс Клык. – Нам ничего не стоит порубить тебя на кусочки и сварить в похлёбке.

Армулин вглядывался в их зловещие морды всё с той же бесшабашной улыбкой:

– Вряд ли я вам понравлюсь. Я тощий и жёсткий.

Стояла тишина – только листья шуршали на ветру.

– Ну, всё? – спросил бард, готовясь продолжать.

Клыки стояли неподвижно, но Джаннеру показалось, что они искоса посматривали чёрными глазками на окружившую их толпу.

– Радуйтесь, дурачье, – прорычал старший Клык, повернувшись к зрителям. – А мы порадуемся потом, когда Наг Безымянный решит, что вы ему надоели, и велит всех вас перерезать. Поскорей бы!

Меж длинных острых зубов Клыка скользнул раздвоенный язык, губы дёрнулись в злобной усмешке. Ящер щёлкнул пастью и зашипел на маленькую девочку, жмущуюся к ногам родителей. Те, кто стоял рядом, потупились или закрыли глаза. Клык сплюнул наземь и зашагал прочь; трое его спутников двинулись следом, продолжая шипеть.

Тишину нарушил звон свистоарфы. Растрёпанный человек в лохмотьях вновь запел, и Джаннер больше не сомневался, что это и есть бард Армулин. Люди сидели неподвижно, как зачарованные, пока он пел балладу о Ланрике и Рубе¹². Джаннер и Тинк смагивали слёзы, слушая эту трагическую историю. Армулин спел ещё, и ещё, и ещё, и так продолжалось, пока солнце не склонилось к закату. Свет сделался золотым, на выгон легли длинные тени.

Словно по наитию бард завершил последнюю песню за мгновение до того, как в сумерках разнёсся низкий звук рога. Армулин широко улыбнулся, и многочисленные слушатели восхищённо ахнули.

– Драконы! – воскликнул Джаннер, схватив Тинка за плечи.

---

¹² Как говорится во «Всеобщей истории печальных песен» Изака Фенчера (издательство «Река Блап», Торборо, 113/3), Ланрик и Руб с детства были как братья, но оба полюбили одну девушку, которую звали Илайя. Они сражались за её руку как смертельные враги и наконец решили отправиться к Илайе и попросить, чтобы она выбрала из них достойнейшего. Прибыв, они обнаружили, что она вышла замуж за их двоюродного брата Дуга, и отправились восвояси, оплакивая свою глупость.

– Давай найдём место поудобнее, – улыбнулся тот брату, сияя липкими фиолетовыми щеками.

– Лили, пошли! – крикнул Джаннер и повернулся.

Вокруг него люди поднимались с земли и волной устремлялись обратно к городку.

– Лили? – повторил Джаннер, не услышав ответа.

Девочки рядом не было.

Джаннер велел себе успокоиться. Он уже это пережил сегодня. Лили не могла уйти далеко. Она только что сидела здесь, на выгоне, и чесала брюшко Малышу, так ведь?

– Лили Игиби! – закричал Джаннер, поворачиваясь вокруг своей оси.

Со всех сторон теснились люди, толкая мальчиков на ходу.

– Не лезь под ноги, парень, – велел старик с тростью и в натянутых до подбородка штанах.

Просторные платья жительниц Торборо, шурша, цепляли Джаннера и Тинка многочисленными складками и увлекали за собой. Затем перед братьями стеной встала целая компания шумных дагтаунцев. Джаннер стал нырять в толпе и два раза споткнулся об огромные остроносые туфли торборских дам. Тинк пропал из виду, но, судя по удивлённым возгласам и ругани, брат был рядом, где-то слева. Джаннер боялся, что шум опять привлечёт Клыков, но, к огромному облегчению мальчика, толпа наконец поредела, и он увидел, что Клыки разошлись.

– Вот смехота, – сказал Тинк, отряхиваясь.

Джаннер развернулся и схватил брата за ворот:

– Ничего смешного тут нет, Тинк. Ты что, не понимаешь, что Лили могла попасть в беду? Вдруг её схватили Клыки – или даже убили?! – Он гневно уставился на Тинка. Неужели младший брат настолько глуп? Джаннер хоть и волновался за Лили, но не мог не думать и о собственной шкуре. Что сделает Подо, если узнает, что Джаннер не выполнил свой долг? И как он сам будет жить дальше, если что-то случится с сестрёнкой?

Тинк вырвался из хватки Джаннера и оглядел выгон. Немногие оставшиеся на нём люди сворачивали покрывала, собираясь на утёсы. Наконец до Тинка дошло, что дело плохо; сложив руки рупором, он тоже закричал:

– Лили!

Подо учил внуков: если потерялись в толпе, собирайтесь на том самом месте, где в последний раз видели друг друга. Значит, Лили будет ждать здесь, вместе с Малышом, и они увидят её, как только толпа окончательно разойдётся...

– Она где-то тут, Тинк. Она сидела здесь с Малышом пять минут назад, – сказал Джаннер, приставляя ладонь к глазам и рассматривая выгон.

Тинк ему не ответил. Заламывая руки, он с дрожью в голосе звал сестру.

– Всё с ней хорошо, вот увидишь, – Джаннер старался говорить бодро.

Они звали Лили, пока выгон не опустел, но её по-прежнему нигде не было видно. Джаннер спрашивал у отставших, не видели ли они маленькую девочку, но в ответ получал лишь раздражённые взгляды: людей больше интересовали морские драконы, чем настырные детишки. Наконец Джаннер и Тинк остались одни на выгоне, в наступающих сумерках.

Маленькая Лили Игиби пропала. Братья растерянно переглянулись, не в силах сказать ни слова. А потом со стороны городка до них донёсся звук, от которого тревога в их душах сменилась ужасом.

Они бросились бежать со всех ног.

Лаяла собака, и кто-то кричал.

Маленькая девочка.

Лили.

8. Два брошенных камня

– Джаннер, быстрее! – крикнул через плечо Тинк, устремляясь к городку.

Джаннер, тяжело дыша, бежал за ним и никак не мог догнать. Когда они миновали конюшни на окраине Глибвуда, к воплям Лили и рычанию Малыша примешался ещё один звук – ужасное шипение Клыка.

Джаннер посмотрел по сторонам, отчаянно пытаясь понять, откуда исходят звуки, но они словно доносились отовсюду. Тинк припустил по главной улице, которая почти обезлюдела. Немногочисленные прохожие спешили к утёсам, думая только о ежегодном танце морских драконов. Даже если они и слышали крики, то пропускали их мимо ушей.

Краем глаза, в узком переулке между цветочной лавкой Феринии и парикмахерской Дж. Птица, Тинк заметил Клыка, который с кем-то боролся. Мальчик резко остановился, и Джаннер врезался в него, чуть не сбив с ног.

В туче пыли под ногами у Клыка метался Малыш, увёртываясь от копы. Снова раздался крик Лили, и братья, не раздумывая, бросились к ней на помощь, хотя оба прекрасно понимали, что им не справиться с Клыками Дая.

Узкий переулок вывел их в крошечный закуток между задворками магазина Феринии и конюшней. Лили свернулась клубочком на земле, и второй Клык удерживал её на месте древком копы, злорадно наблюдая, как его товарищ борется с маленьким чёрным пёсиком.

Малыш был в ярости. Он прыгал туда-сюда, рычал и огрызался.

Клык, стоящий над Лили, насмешливо произнёс тонким голосом:

– В чём дело, Сларб? Никак не мож-жешь справиться с мелкой шавкой?

Сларб зарычал и снова попытался ткнуть Малыша копыём. Остриё кольнуло пса в бедро, и он взвизгнул.

Лили завопила, и Клык толкнул её древком – в то самое мгновение, когда Тинк и Джаннер выскочили из-за угла. Девочка увидела братьев, и у неё словно прибыло сил.

Джаннер набросился на Сларба со спины и принялся колотить его по плечам и шее. Он впервые в жизни коснулся Клыка – и смутно удивился, как холодна чешуйчатая кожа двуногого ящера.

Тинк увернулся от второго Клыка, схватил Лили за руки и потащил в сторону.

Сларб, на котором висел Джаннер, шипел и метался. Его длинные острые клыки истекали жгучим ядом.

Малыш вцепился ему в ногу и не пускал.

Второй Клык схватил Тинка за ворот, оторвал от Лили и швырнул в сторону. Мальчик ударился о мостовую с такой силой, что у него вышибло весь воздух из лёгких.

Лили потянулась к костылю, но Клык выхватил его и сломал. Обломки, расписанные фиолетовыми цветочками, взлетели в воздух.

Затем Клык подошёл к Сларбу и пнул Малыша в брюхо. Пёсик с визгом отлетел, врезался в забор и безжизненно рухнул на землю.

Сларб перебросил Джаннера через голову и нагнулся над ним, широко разинув чешуйчатую пасть. Обнажённые клыки, сочившиеся ядом, были готовы впитаться в шею мальчика. Второй Клык достал меч и размахнулся, чтобы прикончить Тинка. Лили беспомощно закрыла глаза и начала молиться.

И в это мгновение послышался глухой стук. У Сларба глаза съехали к переносице, и он без чувств повалился на Джаннера. Второй Клык повернулся... и точно такой же булыжник, размером с кулак, угодил ему в висок. Клык покачнулся и рухнул в грязь.

Тинк лежал неподвижно.

– Кто это сделал? – спросил мальчик, с трудом переводя дух.

Лили по-прежнему сидела, сжав ладони на груди и зажмурившись. Она приоткрыла один глаз, явно удивившись, что все они ещё живы.

Из-под Клыка донёлся сдавленный стон Джаннера, и Тинк быстро пришёл в себя. Он с трудом стащил с брата тело Сларба, и Джаннер поднялся на ноги, морщась и потирая шею в том месте, где на неё капнул обжигающий яд. Он тут же бросился к Лили, помог ей встать и внимательно осмотрел:

– Ты цела?

Девочка, дрожа, кивнула. Она отвела волосы с лица, обняла братьев и улыбнулась сквозь слёзы. А потом воскликнула «Малыш!» и заковыляла к неподвижному чёрному тельцу.

Сларб застонал и пошевелился.

– Пошли отсюда, – сказал Джаннер. – Нам худо будет, когда эти твари очнутся.

Лили плакала и гладила мордочку Малыша.

– Лили, надо идти, – произнёс Джаннер, оттягивая её в сторону.

Малыш взвизгнул и, с трудом поднявшись, ошетинился и грозно оскалил зубы. Но всю его ярость как рукой сняло, когда он увидел Лили. Пёсик принялся лизать хозяйке лицо и вилять хвостом как ни в чём не бывало.

Лили кивнула на сломанный костыль:

– Я без него далеко не уйду.

Джаннер положил руку сестры себе на плечо.

– Значит, в кои-то веки ты примешь нашу помощь. Ну, пошли, – сказал он, и они заспешили прочь.

Переулок опустел. Не считая, конечно, двух Клыков, лежащих на земле, двух камней, которые их сразили, и загадочной личности на крыше парикмахерской Дж. Птица, зорко наблюдающей за детьми.

9. Глипперова тропа

Вернувшись на Главную улицу, минимум двое из трёх участников происшествия (не считая Малыша) повеселели. Лили в основном радовалась, что Малыш жив, Тинк – что жива Лили... а Джаннер трясся от страха, потому что он как старший был вынужден думать наперёд. Он понимал, что Глибвуд – маленький городок и очень скоро, буквально через несколько минут, Сларб и его приятель обо всём доложат командору Гнорму. И тогда начнётся ужас.

– Нам надо домой.

– Джаннер! – жалобно воскликнул Тинк, которому не терпелось отправиться навстречу новому приключению. – Разве мы не пойдём смотреть на драконов? Все уже там! И как только выйдет луна...

– Знаешь, что будет к тому времени, когда выйдет луна, помимо танца морских драконов? – перебил Джаннер.

Лили и Тинкер замолчали. А старший брат попытался взять себя в руки.

– А будет *вот* что. Клыки придут в себя, и как только это случится, все городские ящеры кинутся искать троих детей и маленькую чёрную собачку. Им известно, что в числе детей есть хромая девочка. Как по-вашему, нас трудно будет найти? – спросил Джаннер в сильнейшем раздражении.

– И что же делать? – после долгого молчания спросила Лили.

– Мама, наверное, на утёсах, вместе со всеми. Но Клыки, конечно, именно там и будут нас искать в первую очередь. А дедушка в День Дракона никуда не ходит. Значит, мы вернёмся домой. Подо знает, что делать, – сказал Джаннер и повернул на тропинку, ведущую к дому. – Надеюсь, знает...

– Вот так будет быстрее, – Тинк закинул себе на плечо другую руку Лили и ускорил шаг.

Малыш с серьёзным видом трусил рядом с детьми, словно и он понял, что дело плохо.

Сумерки тем временем сгустились, и едва показался дом, дети поняли, что дедушки нет. Окно не светило, из трубы не шёл дымок. Джаннер и Тинк посадили Лили на траву и согнулись пополам, переводя дух.

– Как ты думаешь... где он? – выговорил Тинк, хватая ртом воздух.

– Не знаю, – ответил Джаннер.

– Может, он всё-таки пошёл смотреть на драконов? – с сомнением спросил Тинк.

– Дедушка никогда не ходит на утёсы в День Дракона, – возразила Лили. – С чего бы ему сегодня передумать?

– Тогда где он? Давайте всё-таки поищем его на утёсах. Тогда мы тоже увидим драконов...

Старший брат метнул на младшего гневный взгляд, и Тинк замолк. Джаннер посмотрел на восток, в сторону моря. Возможно, Тинк прав. Возможно, Подо в этом году почему-то решил изменить своим привычкам.

– Ладно, – буркнул Джаннер. – Но мы пойдём по Глипперовой тропе. Идти по дороге слишком опасно. Там, наверное, полно Клыков. И в любом случае, по Глипперовой тропе быстрее.

Тинк застонал, но Джаннер уже повёл Лили к началу тропы¹³. Она начиналась в зарослях за домом Игиби и опасно петляла вдоль самого края пропасти.

---

¹³ Глипперова тропа существовала ещё до рождения Подо. Родители Подо, Эдд и Ямса, решили устроить удобное место для рыбалки возле самого дома, чтоб не ходить далеко. Эдд вырубил в скалах тропу, купил моток лески у торговца в Ламендроне (впоследствии – форт Ламендрон), привязал крючок, насадил на него перепуганного червя и опустил в Тёмное море тьмы. Почти всё утро ушло на то, чтобы размотать леску на нужную длину, и конечно с высоты Эдд не мог разглядеть, погрузился ли крючок с наживкой в воду. Незадолго до сумерек он почувствовал рывок и начал сматывать леску, а после полуночи наконец

В сгущающихся сумерках дети миновали рошу. На краю утёса перед ними открылся до жути беспредельный простор. На каменистом краю обрыва росла жёсткая трава. Море было безмолвно и огромно. Солёный ветер оведал лодыжки и трепал волосы. Все трое ошеломлённо молчали: стоя над Тёмным морем тьмы, дети казались себе совсем крошечными.

Справа Джаннер различил узкую тропку, петляющую среди камней и кустов. По большей части Глипперова тропа представляла собой карниз вдоль стены, уходящей отвесно ввысь. Жалкие кустики и травки цеплялись за камни, словно тоже боялись упасть.

– Джаннер, я не могу, – проговорил Тинк. Он стоял, прижавшись спиной к серому валуну и закрыв глаза.

– Придётся, – сказал Джаннер. – Клыки, которые могут схватить нас на дороге, гораздо опаснее, чем эта тропа. Пожалуйста, постарайся, Тинк.

Цепляясь за валуны, Лили подскакала к брату и взяла его за руку.

– Пойдём, – сказала она.

Тинк слабо улыбнулся.

– Я не за себя боюсь, – заявил он с небывалой храбростью. – Я просто подумал... Э... что Лили там будет трудно.

– Ну спасибо, – сухо сказала девочка.

Тинк вздохнул и, оторвавшись от камня, поплёлся за Лили и Джаннером, стараясь держаться подальше от края. Свет мерк, а тропа шла вверх и сужалась. Лили уверенно двигалась вперёд, однако Джаннеру то и дело приходилось останавливаться и ждать, когда Тинк соберётся с духом. Джаннер боялся, что девочка не сумеет одолеть тропу без костыля. Но та, держась за корни и камни, словно прогуливалась по лужайке, а не брела по карнизу над Тёмным морем.

Наконец подъём закончился, и тропа вышла на травянистый склон. Джаннер и Лили едва сдержали смех, когда Тинк бегом бросился на твёрдую землю. Рубашка у него намочила от пота, и он отдувался так, будто пробежал несколько миль.

Впереди виднелось пламя факелов: там на утёсах стояли люди, собравшиеся посмотреть на драконов.

– Вот мы и дошли, – сказал Джаннер. – Тинк, дай руку Лили.

Пока они шли вниз по склону, на небо начала неторопливо подниматься луна. И тут раздался до боли прекрасный звук.

вытащил малюсенькую рыбку. Ямса ничуть не обрадовалась, что муж разбудил её своим ликующим криком, а затем принялся в глухой ночи чистить и жарить свою добычу. На следующий день Эдд решил, что глупо тратить столько сил ради одной рыбки. Поэтому у того же торговца в Ламендроне он купил кучу верёвок, сплёл сеть и опять потратил всё утро на то, чтобы опустить её в море. На сей раз конец сети он привязал к бычьей упряжке. К закату быки измучились, а сеть поднялась лишь до середины утёса. Эдд закрепил верёвку и оставил сеть на ночь. С утра пораньше быки снова принялись за работу. К полудню сеть, полная глипперов, мелких акул, щипунов и кальмаров, перевалилась через край обрыва. Даже Ямсе пришлось признать, что улов хорош. Следующие три недели они питались только рыбой. Рыбные оладьи на завтрак, бутерброды с рыбой на обед, жареная рыба на ужин. Они так объелись, что заболели, и с тех пор при виде рыбы их тошнило. Эдд никогда больше не рыбачил с утёса, однако тропа так и осталась.

10. Лили и драконья песнь

Долгая низкая нота – словно зевнула гора – прокатилась в воздухе и отразилась от небосклона. Гулкое эхо затерялось среди высоких деревьев Глибвудского леса, и в следующее мгновение ему ответил другой звук, повыше, похожий на шум летнего дождя. Даже Джаннер перестал беспокоиться из-за Клыков. Он затаил дыхание; глаза у мальчика защищало от слёз.

– Скорей! – крикнул Тинк. – Начинается! – Он бесстрашно побежал по самому краю утёса.

– Тинк! – позвал Джаннер.

Но младшего брата было уже не удержать – песнь драконов чудесным образом его изменила. Тинк теперь даже выглядел по-другому, с необычайной отвагой двигаясь над пропастью.

Джаннер и Лили шагали следом, пока не различили в полутьме толпу, смотрящую на море. Край утёса был усеян валунами, между которыми росла высокая трава. Зрители могли очень удобно там устроиться. Тёмное море находилось так далеко внизу, что если бы человек сорвался с утёса, он бы успел накричаться и напоследок вздремнуть на свежем воздухе, прежде чем упасть в воду. Крошечные белые полосы на поверхности моря были на самом деле волнами, которые разбивались об острые камни внизу. Многочисленные брызги напоминали тонкое облачко пыли, которое вздымается, если бросить камешек на дорогу.

Тинк устроился на плоской каменной плите с углублением в середине. Толпа находилась на расстоянии полёта стрелы, и Джаннеру стало спокойней.

При свете огромной луны Тинк заглянул за край утёса, силясь увидеть что-то в воде. «Просто чудо, – подумал Джаннер. – Сегодня утром Тинк чуть не обмочился, когда залез на крышу».

С того места, где они сидели, был виден далеко на севере могучий Фингапский водопад, который ревел среди скал и низвергался в море. На юге утёсы всё тянулись и тянулись, в конце концов спускаясь к Шардской гавани, где находился форт Ламендрон – крупнейшая в Скри цитадель Клыков. Именно туда Чёрная Карета отвозила детей, которых забирала ночью.

Джаннер вздрогнул и постарался не думать о форте Ламендрон и о Карете. Это было нетрудно, поскольку драконья песнь звучала всё громче. Укрывшись в каменной ложбинке, Джаннер забыл про Клыков и про то, что нужно поскорей найти дедушку и маму. Как и Тинк, он забыл про смертельно опасную высоту утёса, когда потянулся в пустоту и почувствовал, как у него ёкнуло сердце.

Тинк увидел драконов первым. У мальчика перехватило дыхание и отнялся язык. Похлопав сестру по коленке, он указал пальцем, и тогда Лили и Джаннер тоже их увидели.

Из бурлящей вспененной воды у подножия Фингапского водопада вынырнуло длинное изящное туловище, в его чешуе отражался свет луны. Морской дракон был вдвое больше самого высокого дерева в Глибвудском лесу. Его красноватое тело переливалось как пламя. Голову венчали два изогнутых рога, а плавники торчали как крылья. Никто бы не удивился, если бы дракон и вправду полетел – однако он перевернулся колесом в воздухе и с оглушительным плеском (правда, из-за неумолчного рёва водопада ничего не было слышно) упал обратно в воду.

И тут зазвучала драконья песнь. Разносясь по ветру, она наполнила людей, собравшихся на утёсах, тысячью ощущений – то спокойных, то волнующих, но неизменно живых.

Робезбус Добрый Малый, мужчина средних лет, который всю жизнь работал счетоводом у знаменитого пуговичного фабриканта Осбека Осбексона из Торборо, решил, что больше не проведёт за конторкой ни дня; ему всегда хотелось ходить под парусом. Господин Алеп Брюм, сидящий рядом с Феринией Свейпльтон (владелицей цветочной лавки), повернулся к ней и шёпотом признался, что втайне любил её много лет. Мэр Благус мысленно поклялся, что

больше не станет ковырять в носу¹⁴. Все страсти, горести и радости слушателей сплелись в одно чувство, которое Джаннеру показалось чем-то вроде глубокой тоски по дому, хотя мальчик и не понимал причины: он ведь был совсем рядом с домом, в котором жил сколько себя помнил.

Впрочем, немногочисленные Клыки, которым довелось нести стражу на утёсах, слышали только вопли и жалобный вой, от которого сводило скулы. Их зелёная шкура покрылась мурашками, и ящеры злобно зашипели на тех, кто стоял ближе.

Тинк так далеко перегнулся за край, что казалось, он вот-вот упадёт в море. Широко раскрыв глаза и стиснув зубы, мальчик побелевшими пальцами цеплялся за камень. Джаннер вдруг подумал, что Тинк похож на статую короля, неподвижно сидящую в тёплых сумерках.

Песня между тем продолжалась, и из моря показались ещё драконы. Они кувыркались и зависали на мгновение в воздухе, прежде чем снова упасть в воду. Десятки рогатых драконов-самцов янтарного и золотого окраса описывали круги вокруг более изящных и гладких самок, которые выпрыгивали из воды, делая затейливые повороты. Теперь даже рёв Фингапского водопада не мог заглушить плеск множества драконов. Звуки песни переплетались, пока не сложились в неотвязную мелодию. Джаннер подумал – как думал каждое лето, когда появлялись драконы, – что на свете нет ничего прекраснее.

Лили тоже сидела неподвижно, как статуя, стиснув руки на груди. Джаннер слышал шёпот, сливающийся с драконьей песней; губы девочки двигались, словно она пыталась заучить слова – или молилась. Она смотрела куда-то вдаль, за горизонт. Тихая нежная мелодия неслыханной прелести срывалась с губ Лили. Джаннер с удивлением взглянул на сестру. Он был так зачарован её пением, что даже не заметил, как все остальные звуки стихли.

Драконы замолчали.

Перестав танцевать, они смотрели вверх, на утёсы. Хотя они находились за много миль от Глибвуда и их окутывала полутьма, Джаннер вдруг с содроганием понял, что драконы наблюдают за ними.

Они слушали.

Холоэль, укрытый мглой,
Ты таишься под землёй.
Крепко спи во тьме ночной,
Холорэ, во тьме ночной,
В глубине, во мгле ночной.

Холорэ, явись скорей,
Брызни, свет из-под камней,
Встаньте, Юргеновы горы,
Ветвь сухая, зеленей.
Встаньте, горы,
Встаньте, горы,
Холоэль, о свет камней¹⁵.

---

¹⁴ И нарушил клятву на обратном пути в город.

¹⁵ Трудно сказать наверняка, однако большинство учёных полагают, что это и есть та самая песня, которую Лили Игиби пела в тот вечер на утёсе. Холорэ – древнее слово, имеющее несколько значений. Самое распространённое из них – «ощущение, что ты забыл что-то сделать, но сам не знаешь, что именно». Например: «Всю дорогу Фума преследовало холорэ, но лишь когда он вернулся домой и обнаружил, что его жена по-прежнему стоит на крыльце, он наконец понял, в чём дело». Также слово «холорэ» используется для описания запаха стоваренного пирога. А ещё – если что-то потенциально хорошее внезапно пошло насмарку. Например: «Когда Фум понял, что забыл взять с собой жену в праздничную трёхдневную поездку, вышло сплошное холорэ». Древнее значение этого слова (в котором, вероятно, оно и употреблено в песне) связано с камнями, скрытыми глубоко в недрах земли Создателем при сотворении Ануота. Эти камни, согласно «Легендам Ануота», поддерживают жизнь в мире – предположительно они имеют такой же эффект, как Вода из Первого Источника. Значение слова «холоэль» трудноопределимо,

Толпа заахала и зашепталась. Привычный порядок нарушился впервые за много лет. Тинк и Джаннер с восторгом взглянули на Лили, которая, похоже, не замечала, что стала причиной общего замешательства. Ветер нёс голос девочки вдоль утёсов, и толпе казалось, что песня льётся просто из ниоткуда.

Наконец Лили замолкла. Она очнулась и взглянула на сияющих драконов, которые молча наблюдали за ней. Стояла тишина, не считая свиста ветра, плеска моря и шума далёкого водопада. А потом драконы изогнули свои мощные шеи, распустили плавники и что-то проревели в ответ, отчего у Джаннера зазвенело в ушах. В их голосах звучали грусть и надежда.

Потом всё смолкло.

Драконы исчезли так же быстро, как появились. Последний плавник мелькнул и исчез в воде. Благоговейную тишину нарушали только мерный глухой гул водопада и крики чаек.

Господин Алеп Брюм высморкался. Шёпот превратился в приглушённый говор, а затем и в оживлённую болтовню. Люди вставали и потягивались, собираясь обратно в город.

Чары спали. Драконы отправились обратно на юг, к Затонувшим горам, зимовать.

Тинк по-прежнему смотрел на море, вслед уплывшим драконам. Потом он несколько раз моргнул. Мальчик взглянул вниз, побледнел и взвизгнул, как кроблик. Он шарахнулся и, тяжело дыша, повалился на землю в нескольких шагах от края. Тинк цеплялся за траву так отчаянно, словно утёс мог накрениться и стряхнуть его в бездну.

Лили, у которой в голове ещё звучала музыка, засмеялась.

– Что это было, Лили? – спросил Джаннер. – Кто такой Юрген?

Покраснев, девочка пожала плечами:

– Не знаю. Кажется, это просто колыбельная, которую мама мне пела, когда я была совсем маленькой... или что-то вроде того... – она наморщила лоб и задумалась. – Странно...

– Что странно?

– Я теперь не помню ни одной ноты, – ответила девочка, глядя на море.

– Ну... она была очень красивая, – произнёс Джаннер.

А что ещё он мог сказать?

Он уже хотел напомнить младшим, что надо отыскать дедушку и маму, когда две ледяные лапищи вдруг схватили его сзади. Джаннер резко развернулся – и оказался лицом к лицу с Клыкком Сларгом, у которого на скуле алела кровоточащая ссадина.

11. Ворона и Карета

Дети словно окаменели. Ещё четверо Клыков окружили их, держа мечи наготове.

– Прыгайте, если хотите, – сказал Сларб с улыбкой, обнажившей длинные острые зубы. – До воды далеко. Эти ж-жуткие драконы, наверное, не откаж-жутся от лёгкой закуски после своих дурацких плясок!

Двое Клыков схватили Тинка и Лили. Низким скрипучим голосом один из них спросил:

– Чего нам с-с ними делать-то, Сларб? Швырнуть вниз или с-сунуть в каталажку?

Сларб задумался. Его фиолетовый раздвоенный язык прошёл по зубам, а холодный взгляд упал на край утёса, в нескольких шагах за спиной у детей.

Джаннер посмотрел через плечо Сларба на расходившуюся толпу, молясь, чтобы дедушка и мама заметили их. Но Подо и Нии не было среди зрителей – а остальные даже не смотрели на детей. Джаннер мысленно выругал себя за то, что отвлёкся от поисков. В любом случае в толпе им было бы безопаснее.

– Командорм Гнорм велел привести их, но край утёс-са так близко, а эти людишки так вкус-сно пахнут, правда, Брак? – И язык Сларба затрепетал в нескольких сантиметрах от лица Джаннера.

Мальчик не видел никакого пути к спасению. Даже от одного Клыка сбежать было трудно, а от пятерых – невозможно. Оставалось лишь сохранять спокойствие и надеяться, что Сларб последует приказу командора. Оказаться в тюрьме, а потом уехать в Чёрной Карете – это ужасно, но всё лучше, чем лететь головой вниз с утёса.

Джаннер заметил, что Малыша нет.

«Вот тебе и верный пёс», – подумал он – и в то же мгновение Сларб ударом по лицу сбил его с ног. Джаннера впервые били так сильно. Он, конечно, иногда дрался с Тинком, но то были сущие пустяки по сравнению с болью, которую он чувствовал теперь, корчась на земле.

Сларб фыркнул:

– Это тебе урок, мальчишка. Тронешь меня ещё раз – и я сожру тебя заживо. – Он подошёл к Лили и грубо ухватил её за волосы. – И тебя тоже надо проучить, вонючая малявка, – сказал Сларб и швырнул девочку наземь рядом с Джаннером.

Тинк вырвался из рук державшего его Клыка и размахнулся, но Сларб отвёл удар и врезал мальчику коленом в живот. Тинк упал и согнулся пополам, хватая ртом воздух. Сларб нагнулся над ним и вынул нож. Чешуйчатой лапой он прижал голову Тинка к земле и провёл тыльной стороной лезвия по щеке мальчика:

– А это тебе, дохляк, памятка от С-сларба.

Он подбросил кинжал в воздух, поймал его за лезвие и ударил Тинка рукояткой по голове. Раздался глухой стук, от которого Джаннер и Лили содрогнулись. Тинк вскрикнул, стиснул зубы и попытался удержать слёзы. По лбу мальчика потекла алая струйка. При виде крови Клыки заволновались, зашипели и заурчали, словно им показали лакомое блюдо.

– Ведите их, – велел Сларб.

Братьев подняли и тычками погнали вперёд. Лили попыталась встать, но её бедная изуродованная нога подогнулась, и девочка снова осела на землю. Джаннер наклонился, чтобы помочь сестре, но Клык по имени Брак, рыча, встал между ними.

– На твоём мес-сте я бы не трогал эту мелкую вонючку, – предупредил он.

– Она не может идти сама! – воскликнул Джаннер, и Брак оскалил клыки.

– Пусть мальчишка поможет калеке, дурак! – прошипел Сларб. – Иначе тебе придётся на себе тащить эту поганку до тюрьмы.

Брак поморщился и с отвращением скривил рот, глядя на Лили. Но всё-таки он отошёл, и Джаннер помог сестре подняться.

Скула у Джаннера ныла от удара, а у Тинка над ухом набухла шишка размером с яйцо. Лили плакала, ковыляя между братьями, и оглядывалась в поисках Малыша.

К тому времени большинство приезжих либо отправились в «Единственную гостиницу» ужинать, либо вернулись в палаточный лагерь на противоположном краю города, чтобы приготовить там купленную на рынке снедь. Несколько человек ещё бродили по освещённым фонарями улицам, но, увидев процессию из пяти вооружённых Клыков, которые несли факелы и подталкивали троих испуганных ребятишек, люди торопливо отвели глаза и убрались с дороги.

Командор Гнорм был толстый чешуйчатый ящер с глубоко посаженными глазами и жёлтыми кривыми зубами. Он почти всё время сидел в кресле на тюремном крыльце, точил кинжал и уплетал что попадётся.

У Джаннера голова шла кругом. Они попали в самую настоящую беду. Приговоры командора Гнорма всегда были быстры и безжалостны, и Джаннер сильно подозревал, что им ещё до рассвета предстояло оказаться в Чёрной Карете, на пути в форт Ламендрон¹⁶.

Детей подтолкнули к тюремному крыльцу, где сидел, развалившись в кресле, командор Гнорм и точил кинжал.

– Заприте их, – сказал он, не отрываясь от дела.

Пленников провели в освещённый масляной лампой коридор, мимо стола, заваленного рыбьими костями. На противоположной стене была намалёвана круглая мишень, в которой торчал десяток кинжалов. Тот, кто их бросал, отличался пугающей меткостью. Сларб втолкнул детей в комнату, где царила непроглядная мгла. Свет факела позволял разглядеть три зарешеченные камеры и пол, покрытый грязью и соломой. Сларб снял со стены связку ключей, отпер решётчатую дверь и, загнав детей в камеру, с довольным видом запер замок, повесил ключи на место и ушёл.

Тинк и Лили прижались к Джаннеру, дрожа как от холода, хотя в камере было довольно душно.

– Дай посмотрю, – сказал Джаннер, осторожно касаясь головы брата.

Он раздвинул волосы и прищурился, изучая шишку, хотя понятия не имел, как она должна выглядеть.

– Ну, всё не так страшно, – он старался говорить как взрослый.

– Тебе больно? – спросил Тинк.

– Пройдёт, – Джаннер коснулся синяка на скуле и поморщился.

Братья повернулись к Лили.

– Ты цела? – спросил Джаннер.

– Это я во всём виновата, – ответила девочка, вытирая нос рукой. – Простите меня, пожалуйста.

– Что вообще там случилось?

– Пока вы смотрели игру, я бросала Малышу палочку на краю поля, позади толпы. Тут с дерева, прямо у него перед носом, прыгнул швап, и Малыш погнался за ним. Я пошла следом – ну и дошла до Главной улицы. Там Малыш загнал швапа в переулок и прямо за углом попался под ноги этому гаду...

– Сларбу? – уточнил Тинк.

– Ну да. Он схватил Малыша за шкуру и хотел укусить... вот я его и пнула, – сказала Лили таким тоном, словно это был совершенно естественный поступок.

– Ты пнула Клыка?! – хором переспросили мальчики.

– А что ещё мне оставалось?

---

¹⁶ Когда горожане нарушали закон, ну или просто привлекали внимание Клыков, их – как вариант – сажали в тюрьму и избивали. Горожане считали это удивительным везением; когда заключённого освобождали, родные и близкие поздравляли его (если он был в сознании) и торжественно провожали до дома, как если бы он получил большую награду. Неудивительно: если Гнорм считал, что заключения и пытки недостаточно, он посылал ворону за Чёрной Каретой.

– Не знаю... но это было глупо! – заявил Джаннер.

– И очень храбро, – подхватил Тинк.

Лили сидела опустив голову, и её длинные светлые волосы почти касались грязного пола.

– Очень, очень храбро, – согласился Джаннер.

Девочка хлюпнула и вытерла нос.

– Ну, не плачь, – Тинк похлопал сестру по спине. – Ты тут ни при чём. Во всём виноват Малыш, – шутливо добавил он. И тут же пожалел об этом.

Лили зарыдала.

– Я не верю, что он просто взял и убежал, – сказала она, утыкаясь лицом в грудь брата. – А вдруг какой-нибудь ужасный ящер сбросил его с утёса?

– Радуйся, что Малыша нет тут с нами, – перебил Джаннер. – Мы, а не он, попали в беду. Нас либо изобьют до полусмерти, либо отправят в Дань. И лично я не горю желанием видеть замок Трог и Нага Безымянного, так что будем надеяться на пытку.

Дверь камеры открылась, и внутрь ввалился командор Гнорм в сопровождении Сларба.

Джаннер, Тинк и Лили встали и замерли. Гнорм разглядывал их, сложив чешуйчатые зелёные лапы на брюхе, как на столе. Он смотрел на детей чёрными унылыми глазами.

– Это они с-самые, командор, – сказал Сларб.

– Значит, трое детишек каким-то образом избили тебя до бесчувствия, – с усмешкой заметил Гнорм. – Похоже, это могучие воины, раз им удалось справиться с двумя вооружёнными Клыками. – Его голос звучал низко и с прихлопом.

«Как бульканье грязи», – подумал Джаннер.

– Сэр...

– Похоже, вы ни на что не годны, если понадобилось пятеро стражников, чтобы отправить в тюрьму кучку малолеток. Я вес-сь день напролёт отсиживаю хвост и жирею, однако с закрытыми глазами с-способен уничтожить это отребье! Ты забыл, что у тебя есть клыки, недоумок? Говоришь, камни прямо с неба свалились? Маленький камешек с-стукнул тебя по голове, и ты заснул в канаве сном младенца? Мамочка спела тебе песенку?

Сларб пытался вставить хоть слово, но Гнорма было не остановить. Сларбу ничего не оставалось, кроме как стоять молча, гневно раздувая зелёные щёки. Гнорм держал руку на рукояти кинжала и в любой момент мог выхватить его и погрузить в мягкое брюхо Клыка.

Сларб не стал давать ему такого повода.

– Прошу прощения, командор. Моя глупость непростительна, – сказал он, низко опустив голову.

Гнорм удовлетворённо хрюкнул и повернулся к двери, не замечая, что Сларб у него за спиной обнажил клыки.

– А что делать с детьми, с-сэр?

Толстый Клык остановился на пороге и взглянул на детей. Несколько мгновений он рассматривал их угрюмыми чёрными глазами.

– А ты бы что хотел с ними сделать?

Сларб злобно усмехнулся:

– Если вы не возражаете, командор, я предлагаю их пытать. Высечь плетью, например.

У Джаннера заколотилось сердце. Тинк крепче прижал к себе Лили.

– Да? – холодно спросил Гнорм. – А вот я возражаю. Если ты за них примешься, они, скорее всего, снова тебя одолеют. Лучше мы отправим их в Дань. – Рассмеявшись, он вышел в коридор. – Посылай ворону за Каретой.

12. Уже не игра

Дверь с грохотом захлопнулась, и Джаннер почувствовал, как душа у него ушла в пятки – она летела стремительно, словно камень, брошенный с утёса в море. Вдруг послышалось рычание. Сларб, выгнув спину, широко разинул пасть, обнажил зубы и стиснул кулаки. Джаннер видел розоватую внутренность пасти, чёрный влажный язык, извивающийся как червь, и самое страшное – жёлтые ядовитые клыки. Он вздрогнул, представив, как эти истекающие ядом зубы пронзают его кожу, а когтистые лапы впиваются в плоть. Джаннер ничуть не удивлялся, что, по слухам, никакой человек не мог убить Клыка. Даже Чёрная Карета казалась приятнее, чем смерть от рук Сларба.

Тяжело дыша, Клык направился к связке ключей, из пасти у него капала ядовитая слюна. Он подошёл к двери камеры, сунул ключ в замок и чуть не взбесился, обнаружив, что тот не открывается. Тинк и Джаннер быстро затолкали Лили в дальний угол и заслонили её собой. Но что они могли сделать, если бы разъярённый Клык ворвался в камеру? Только стиснуть зубы и отбиваться чем попало.

Но Сларб не успел войти. Дверь из коридора открылась, и ввалился коренастый Клык по имени Брак:

– Привет, хиляк.

Сларб выпрямился и развернулся, пряча ключи за спиной.

– Я же просил не называть меня так, – прошипел он.

– Ну так что, их отправят? – с предвкушением спросил Брак. – Я хочу посмотреть, как они будут извиваться, когда придётся лезть в Карету, а ты, хиляк?

Сларб ответил – как можно спокойнее:

– Я тоже. – Он вытер ядовитую слюну и небрежно повесил связку ключей на место. – Если подумать, так для них будет хуже-же, – сказал он, злобно ухмыляясь и устремляя чёрные глаза на детей. – Гораздо хуже, если подумать.

Клыки вышли. Джаннер и Тинк опустились на пол рядом с Лили.

– Надо как-то выбраться отсюда, – сказал Джаннер, вновь вспомнив, что он старший. – Подо говорил, что выход всегда есть.

– Подо просто одноногий старик, который играет с внуками в «Корабли и акулы»¹⁷, – заметил Тинк. – А это не игра.

– Я знаю! И лучше не спорь с тем, кто крупнее тебя, – и Джаннер шутливо ткнул брата в плечо.

Честно говоря, он понятия не имел, как спастись – и боялся, что выхода нет. Но он был старшим и хотел подбодрить остальных. Судя по тому, что слышал Джаннер, в Чёрную Карету сажали людей гораздо крупнее и храбрее, чем они, – значат, посадят и их. И никто этих людей больше не видел – значит, не увидят и их.

Джаннер подумал, что гораздо лучше сидеть в тюремной камере и иметь хоть капельку надежды, чем не иметь никакой.

Лили заснула, положив голову на колени Тинку. Вскоре задремал и Тинк. А Джаннер несколько часов расхаживал по камере, гадая, чем заняты Подо и Ния. Они, наверное, уже выяснили, что детей посадили в тюрьму. Схватившись за прутья решётки, мальчик подтянулся к высокому оконцу, но оно выходило на задний двор тюрьмы. Дверь камеры была надёжно

---

¹⁷ «Корабли и акулы» – уличная игра, которую привезли в Скри торговцы из Зелёных лощин. Обычно дети играют роль кораблей, а взрослые – акул. Игра начинается с того, что Акула говорит Кораблям: «Ха-а!» (считается, что именно это сказала бы Акула, не будь она морской тварью). Затем корабли бросаются от Акулы враспынную. Если Акула догоняет Корабль, она валяет его в пыли и немилосердно шекочет. Эта патриархальная грубость типична для всех игр, придуманных в Зелёных лощинах. Одна популярная в тех краях забава так и называется – «Расшибалы».

заперта, ключи – вне досягаемости. Ничего не оставалось, кроме как ждать. Тинк не ошибся: игры кончились, и, возможно, никакого выхода не было.

Джаннер жалел, что не может заснуть, как младшие. Ему мешал страх. Он тщетно пытался думать хоть о чём-нибудь, кроме зловещей Чёрной Кареты, которая катила по тёмным холмам и залитым лунным светом долинам в Глибвуд. Мальчик подумал, как вкусно готовит его мама, какой тёплый у них очаг, как уютно устроился их дом в тени деревьев. Джаннер грустил о Подо, своём милом ворчливом дедушке, которого Великая война сделала вдовцом. Он грустил о матери, которая потеряла мужа.

Подо и Нию вновь ждёт горе – потому что Джаннер плохо присматривал за Лили.

Джаннер вздохнул и прислонился к стене. Он подумал об отце, и ему как никогда захотелось оказаться на корабле, в открытом море. Мальчик собирался вынуть из кармана рисунок, но вспомнил, что в темноте ничего не разглядит. Конечно, отец сумел бы вырваться из этой жуткой камеры и избежать ужасного путешествия в Чёрной Карете. Если бы он был жив, он бы пришёл к ним на помощь. Но у юного Джаннера Игиби, сидящего вместе с братом и сестрой в мрачной пустой камере, не было отца – и почти не осталось надежды.

Лили подняла голову и посмотрела на окно:

– Ты слышал?

Тинк, вздрогнув, сонно произнёс:

– Передайте подливку!

– Кажется, это Малыш, – сказала Лили. – Малыш! Это ты, мой хороший?

Три пары глаз устремились к окну. Дети прислушались. Они услышали скулёрж и нечто среднее между тывканьем и воем. Джаннер вдруг обрадовался, сам не зная почему. Собака ничем не могла им помочь, но при мысли, что Малыш вернулся, Джаннер ощутил прилив надежды.

Затем они слышали голоса Клыков, которые спорили в передней комнате. Раздался глухой удар и треск – и один из голосов затих.

Командор Гнорм рыкнул, что нужно повиноваться приказам, и зашагал к камерам.

Дверь открылась, и появился неуклюжий силуэт Гнорма. На полу за ним Джаннер увидел распростёртое тело Сларба. Второй раз за день из-за детей Игиби Сларб получил по голове.

Гнорм снял со стены ключи и отпер камеру.

– Везёт вам, детишки, – проклокотал он. – Кое-кто решил, что вы стоите пары блестяшек. – Он поиграл перед ними растопыренными пухлыми пальцами, на которых блестели четыре золотых перстня – раньше их точно не было. Запястья Гнорма украшали сверкающие браслеты, с шеи свисал золотой медальон на серебряной цепочке. Всё это выглядело совершенно неуместно на этом уродливом создании.

Гнорм распахнул дверь и жестом велел детям выходить.

– То есть... мы можем идти? – робко спросил Джаннер.

– Да. Вон отсюда, – нетерпеливо сказал Гнорм.

Пока дети выходили из камеры, он любовался новыми украшениями. Но когда с ним поравнялся Джаннер, Клык ухватил его за щёки и притянул к себе. Над мальчиком нависла одутловатая морда Гнорма, и Джаннер увидел своё испуганное лицо в глазах Клыка – бездонных чёрных озёрах, полных ненависти – и почувствовал, как в кожу впиваются когти...

– Ещё раз тронешь кого-нибудь из моих солдат – и вашу семью не с-спасёт даже тысяча сундуков с золотом, – угрожающе прорычал Гнорм и оттолкнул Джаннера с такой силой, что тот полетел на пол.

Тинк помог брату подняться, не смея взглянуть на Клыка или произнести хоть слово. Мальчики вместе провели Лили по коридору мимо Сларба, который уже пришёл в себя и молча кипел от гнева, видя, что дети уходят целыми и невредимыми.

В тусклом свете фонаря, посреди улицы, стояла Ния, белая как мел.

13. Песня Сияющего Острова

Боязливо поглядывая на Клыков, маячивших на крыльце, Джаннер, Тинк и Лили спустились по деревянным ступенькам на улицу. Джаннеру всё не верилось, что они свободны. Может, Гнорм задумал какую-то хитрость?

Командор вышел на крыльцо и плюхнулся в кресло, продолжая любоваться драгоценностями, сияющими у него на пальцах. Поддерживая Лили, мальчики медленно приблизились к матери, у которой глаза были полны слёз.

– Пойдёмте домой, – решительно сказала она, обняла детей и осторожно повернулась к Клыкам спиной.

Они молча зашагали по улице, как будто боялись потревожить спящего дракона. Джаннеру хотелось бежать со всех ног, чтобы как можно дальше убраться от Клыков и от тюрьмы. Тинк и Лили тоже охотно прибавили бы шагу, но Ния понимала это и удерживала их.

Она шла по безлюдной глибвудской улице, держа спину прямо и вскинув голову.

Из «Единственной гостиницы» доносился негромкий смех, фонари мигали жёлтыми глазами, а ветер носил в лунном свете облачка пыли, похожие на крошечных призраков.

Когда тюрьма осталась далеко за спиной, Ния заговорила:

– Я не знаю, что делала бы без вас.

При звуках родного голоса Джаннер ощутил огромное облегчение – как если бы до сих пор он плыл под водой, задержав дыхание, а мать вытащила его на поверхность.

– Я просто не знаю, что бы я делала, – повторила она. Ния опустилась на колени, притянула детей к себе и крепко обняла.

Лили обернулась и увидела, что к ней несётся Малыш. Он подскочил к девочке, скуля и бешено виляя хвостом, и принялся облизывать всех троих буквально с ног до головы. Лили прижала пёсика к груди и засмеялась.

– Где ты был, мальчик? – спросила она, нежно глядя Малыша. – Почему ты нас бросил?

– Мы с дедушкой не нашли вас на утёсах и стали волноваться, – сказала Ния. – Но там было столько народу. Но драконья песнь закончилась, и люди разошлись, а мы всё никак не могли вас отыскать. Мы побежали домой, подумав, что, может быть, разминувшись с вами... – Ния нагнулась к чёрному пёсику на руках у дочери. – И тогда к нам прибежал Малыш. Он привёл меня к тюрьме... – она почесала Малыша за ухом. – Я велела дедушке сидеть дома. Он разнёс бы тюрьму по кирпичику и схватился бы с целой армией Клыков, но тогда нас бы просто убили, и всё. Поэтому я пошла одна.

– А откуда взялись драгоценности? – спросил Джаннер. – Ну, те, что нацепил на себя Гнорм?

Ния устремила взгляд в сторону тюрьмы.

– Я припрятала их на чёрный день, – ответила она и пристально посмотрела на сына. – Вот он и настал.

– Но где ты их взяла? – спросил Тинк. – Это же целая куча золота!

Ния вздохнула:

– Они остались от вашего отца. – Она повернулась к Джаннеру, явно намереваясь сменить тему. – Ох, сынок... – мать коснулась посиневшей окровавленной щеки мальчика. – Тебя били?

Джаннер кивнул.

Ния повернула голову сына к свету, чтобы лучше видеть, и поцеловала его в щёку.

Джаннер скривился и высвободился, хотя его обрадовало тепло маминого поцелуя.

– А ты как, детка? – спросила Ния у Лили.

– Всё хорошо, мама.

Малыш лежал на спине в пыли, высунув язык, и Лили чесала ему брюшко.

Тинк продемонстрировал матери шишку на голове. Ния поцеловала и её.

– А ты видела драконов? Видела, как они остановились и стали слушать, когда Лили запела? – спросил Джаннер.

Ния, похоже, испугалась, но быстро пришла в себя:

– Так это была ты, милая?

– Да, мамочка.

Ния улыбнулась и погладила Лили по голове:

– Ты пела очень красиво.

– Но почему драконы её слушали? – спросил Джаннер. Ния в ответ пожала плечами. – И почему Гнорм, взяв драгоценности, просто нас не убил?

Вопросы всё множились, и голова у него шла кругом.

Ния взяла Джаннера за плечи и пристально взглянула ему в лицо:

– Я сказала ему, что умею печь лучший мясной хлеб на всём побережье. И если он вас отпустит, я буду приносить свежую краюху через каждые три дня, как только личинки хорошенько отъедятся. Я сказала, что знаю секретный рецепт, для которого нужен пот свинозуба. Золото было нужно, просто чтобы привлечь внимание Гнорма. Клыки равнодушны к украшениям¹⁸.

– Ты умеешь печь мясной хлеб? – удивился Тинк.

– Нет. Но, видимо, придётся научиться, – с улыбкой сказала Ния. – Ну, довольно вопросов. Джаннер, что у тебя с шеей? – Она вновь повернула сына к свету и увидела ярко-красное пятно у него на шее – в том месте, куда попал яд Сларба.

– Клык Сларб меня чуть не укусил, – сказал Джаннер, трогая ожог кончиками пальцев. – Он напал на Лили...

– Ах вот как. – Ния посмотрела на Лили. – Почему же он на тебя напал? – Она обвила рукой плечи девочки. Лили принялась рассказывать, а Джаннер и Тинк на ходу добавляли подробности. Ния слушала, пока Джаннер не упомянул про то, как кто-то поразил Клыков камнями в переулке. Тогда женщина остановилась как вкопанная. – И вы никого не видели? Никого, кто мог бы бросить камень?

– Никого, – озадаченно подтвердил Джаннер.

Он увидел, как мать нахмурилась.

Голова у него лопалась от вопросов. «Где мама прятала все эти сокровища? Их хватило бы, чтобы купить половину Глибвуда! И почему она столько лет молчала? Неужели она не могла продать хотя бы одно золотое колечко? Тогда бы мы жили не так бедно...» Джаннер никогда не видел столько золота сразу, и, поняв, что эти драгоценности много лет хранились в семье, он ощутил... гнев? Или благодарность? Джаннер не знал, что и думать, словно его чувства были такими же неуклюжими, как ноги. «И теперь драгоценности пропали. Нет, не пропали. Они украшают лапы командора Гнорма».

Джаннер задумался: в чём нуждалась его семья? И со стыдом признал, что ни в чём. Мать и дедушка обеспечивали их всем необходимым. Драгоценности ничего бы не изменили – за исключением того, что без них Джаннер, Тинк и Лили по-прежнему сидели бы в камере. «И всё-таки, – подумал он, украдкой взглянув на мать, – что ещё она скрывает?»

Но тут в путаницу его мыслей вмешалось чьё-то пение.

На лужайке перед домом старого Чарни Баймингтона¹⁹ горел небольшой костёр. Вокруг теснились несколько человек – они слушали Армулина. Оранжевый свет костра озарял его лицо и отбрасывал огромную тень на дом за спиной у барда. Армулин пел об Анниере, и его

---

¹⁸ Женщины в Скри тоже питают слабость к украшениям, но, как правило, не убивают друг друга ради них.

¹⁹ Из торборских Баймингтонов, которые гордились древним предком, придумавшим выражение «Трясётся, как двухтонный пирог с лягушками». Баймингтоны непременно ввёртывали его в любой разговор.

глаза словно сияли собственным светом, когда он смотрел в темноту вокруг костра. Казалось, он видел перед собой прекрасный остров – приют мореходов и поэтов: высокие зелёные горы и тенистые долины, светлый край, где некогда правил добрый король, а люди распевали за работой.

Отчего-то Джаннеру показалось, что Армулин не просто поёт – бард вкладывал в пение свои сокровенные мечты. Джаннера повлекло к этим горам и долинам. То же чувство он увидел и на лицах всех собравшихся вокруг костра.

Песня окончилась, и несколько мгновений, прежде чем заплодировать, маленький кружок слушателей молчал. Джаннер поднял голову и увидел, что лицо Нии мокро от слёз. Она, как и бард, неподвижно смотрела в пространство.

– Почему ты плачешь? – спросил Джаннер, сжимая руку матери.

Ния слегка вздрогнула, словно он её разбудил, и улыбнулась, глядя на сына:

– Просто так, сынок. А ты почему?

Джаннер только теперь понял, что и у него мокрые щёки.

– Просто... есть что-то в том, как он поёт. Я вспоминаю, как зимой у очага дедушка что-нибудь рассказывает, пока ты готовишь ужин, и нет на свете места лучше... но в то же время почему-то... я тоскую по дому, – ответил Джаннер и смущённо опустил голову.

Тинк и Лили молчали – похоже, старший брат выразил и их чувства.

Армулин, по-прежнему босой, пожимал руки слушателям и застенчиво кивал в ответ на похвалы. Он взял свистоарфу под мышку, пожелал всем спокойной ночи и зашагал в ту сторону, где стояли Игиби. Ния шумно вздохнула и быстро погнала детей по тёмной тропе.

– Мам, можно нам на него посмотреть? – спросил Тинк, глядя через плечо на Армулина, который направлялся прямо к ним.

– Нет. Пора домой. Дедушка и так переволновался.

– Мам, ну пожалуйста! – взмолилась Лили.

– Я сказала: нет, – ответила Ния и ускорила шаг.

Лили, хоть мать и помогала ей идти, споткнулась и упала. Ния остановилась и принялась с извинениями отряхивать пыль с платья дочери.

– Славный у вас пёс, – произнёс за спиной добродушный хриплый голос.

Дети замерли. Ния перестала отряхивать платье Лили и выпрямилась. В темноте она увидела силуэт Армулина. Наклонившись, он гладил Малыша по голове.

– Спасибо. Его зовут Малыш, – сказала Лили и подошла к пёсику, который сидел, виляя хвостом. Взглянув на еле видный в сумерках силуэт барда, девочка добавила: – Вы очень красиво поёте.

– Спасибо, принцесса, – ответил Армулин, присаживаясь перед ней на корточки.

Ния, стоя поодаль, по-прежнему хранила странное молчание. Бард протянул Лили руку:

– Меня зовут Армулин. Не нравится мне здесь у вас, – добавил он с улыбкой, едва заметной в темноте.

Лили улыбнулась в ответ, ничуть не смущённая этими словами:

– А меня зовут Лили. Я плохо хожу.

Улыбка Армулина погасла, и он склонился к девочке, чтобы получше разглядеть её лицо. Затем он взглянул на Нию и на мальчиков, которые по-прежнему стояли неподвижно:

– А вы, добрые люди, кто такие?

– Игиби, – сухо ответила Ния. Она быстро подошла к Лили и притянула её к себе. – Доброй вам ночи, – сказала она, направляя детей к дому.

Армулин стоял на дороге и смотрел им вслед.

Подойдя к уютному домику среди деревьев, они увидели в окнах свет. В ночной темноте мелькали светлячки, на лугу фыркал конь Данни. Джаннер ещё раз порадовался, что он жив и не сидит в Чёрной Карете.

Прежде чем они успели подойти к крыльцу, дверь распахнулась, и на пороге показался долговязый дедушкин силуэт. В одной руке Подо держал крепкую дубинку, в другой – деревянную ложку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.